

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022
4 (35)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 4 (35)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ.

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета.

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, профессор, ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ;*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одицовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ РОССИИ5

Видова Татьяна Александровна, Романова Ирина Николаевна

РОЛЬ КОМИССИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА 11

Лобанов Роман Олегович

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ
ГРАЖДАН В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ20

Емелин Михаил Юрьевич

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ ПОЗИЦИИ
ПО КЛАССИФИКАЦИИ ТОВАРОВ В ТАМОЖЕННЫХ ЦЕЛЯХ.....26

Сладкова Алена Александровна

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

К ПРОБЛЕМЕ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА34

Геранин Виталий Владимирович, Мальцева Светлана Николаевна

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СБОРА
И ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ40

Палиева Оксана Николаевна

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ТРЕТЬИМ ЛИЦОМ
КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО ПРЕКРАЩЕНИЯ46

Дашко Александр Викторович

Трибуна молодого ученого

ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ
В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ52

Буланков Дмитрий Михайлович

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

ON THE ISSUE OF THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE
OF COMPENSATION FOR DAMAGES IN THE STATUTES OF RUSSIA5
Vidova T.A., Romanova I.N.

THE ROLE OF THE COMMISSION IN THE EUROPEAN COMMUNITY SYSTEM
IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY 11
Lobanov R.O.

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CONSIDERATION
OF CITIZENS' APPEALS IN THE ELECTORAL LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION20
Emelin M. Yu.

EVIDENCE USED TO SUBSTANTIATE THE POSITION
ON THE CLASSIFICATION OF GOODS FOR CUSTOMS PURPOSES26
Sladkova A.A.

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

ON THE PROBLEM OF THE STAGE OF THE SENTENCE EXECUTION34
Geranin V.V., Maltseva S.N.

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF COLLECTING
AND CONFIRMING EVIDENCE IN EXTREMIST CRIMINAL CASES40
Palieva O.N.

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

PERFORMANCE OF AN OBLIGATION BY A THIRD PARTY
AS A BASIS FOR ITS TERMINATION46
Dashko A.V.

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

VIDEOCONFERENCING AND ITS INFLUENCE IN PROVING
IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS52
Bulankov D.M.

УДК 347.513

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ РОССИИ

Видова Татьяна Александровна¹,

канд. ист. наук, доцент,
e-mail: tatyanaBron@yandex.ru,

Романова Ирина Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: iromanovarzn@bk.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Анализируются положения наиболее значимых, с исторической точки зрения, законодательных памятников, регламентировавших отношения, складывавшиеся в связи с нарушением правопорядка и, как следствие, причинением убытков. Проводится исследование трансформационных особенностей отношений из причинения вреда, обусловленных эволюционными процессами. В ходе краткого исследования авторы приходят к выводу о том, что регламентация убытков обеспечена посредством закрепления соответствующих мер неблагоприятного воздействия на нарушителя в различных властных актах, однако лишь во второй половине XIX в. данный институт стал обретать черты действительно правового. Приведенные выводы обуславливают, в свою очередь, дальнейший исследовательский интерес в целях проведения научных параллелей и сравнительных анализов изучаемой категории в рамках последующих эпох, включая современность. Это позволяет сформировать представления об особенностях эволюционирования законодательной мысли относительно института возмещения убытков с уяснением оснований установления правового режима возмещения убытков на современном этапе развития российского общества и государства.

Ключевые слова: возмещение убытков, обязательства из правонарушений, компенсация вреда, причинение вреда

ON THE ISSUE OF THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF COMPENSATION FOR DAMAGES IN THE STATUTES OF RUSSIA

Vidova T.A.¹,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
e-mail: tatyanaBron@yandex.ru,

Romanova I.N.¹,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
e-mail: iromanovarzn@bk.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article analyzes the provisions of the most significant, from a historical point of view, statutes regulating the relations that developed in connection with the violation of law and order and, as a consequence, causing losses. The study of the transformational features of the relations of harm caused by evolutionary processes is carried out. In the course of a brief study the authors come to the conclusion that the regulation of damages was ensured by fixing appropriate measures of adverse impact on the violator in various acts of authorities, but only in the second half of the XIX century this institution began to acquire the features of a truly legal one. These conclusions, in turn, determine further research interest in order to conduct scientific parallels and comparative analyses of the category under study in the framework of subsequent epochs, including modernity. It allows us to

form ideas about the specificities of the evolution of legislative thought regarding the institution of compensation for damages with an explanation of the grounds for establishing a legal regime for damages at the present stage of development of Russian society and the state.

Keywords: compensation for damages, obligations from offenses, compensation for harm, causing harm

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-5-10

Эволюция института возмещения убытков в отечественном правопорядке стала происходить в тот период, когда начала складываться российская государственность и сформировались общественные отношения, применительно к которым осуществлялись соответствующие противоправные посягательства.

С момента, когда возник институт возмещения вреда, возмещение имущественного вреда было законодательно предусмотрено в числе ведущих средств правовой защиты. Кроме того, допускалось получение денежного вознаграждения помимо суммы ущерба, который был причинен. Данное вознаграждение представляло собой средство, позволяющее обеспечить дополнительную правовую защиту в случае посягательства в отношении благ, являющихся личными нематериальными, и иных присущих гражданам имущественных прав [1].

Исследователи, анализирующие эволюцию возникающих в связи с причинением вреда обязательств, указывают, что выделять в праве Древней Руси соответствующие обязательства не следует, в силу того что они сливаются с преступными деяниями [2, с. 28].

В качестве первых источников права Древней Руси, являющихся письменными, рассматриваются договоры князей Олега и Игоря, заключенные с греками в 911 и 945 гг. соответственно. Данные источники включали положения уголовно- и гражданско-правового характера, предусматривающие выплаты лицам, являющимся потерпевшими. Статья 4 договора 911 г. определяла, что в случае, если совершившее убийство лицо скрылось, родственники убитого получают имущество убийцы¹. В статье 5 указанного договора предусматривалось денежное взыскание как мера ответственности в связи с причинением телесных повреждений. За избиение или удар денежное взыскание составляло 5 л серебра².

В Русской Правде также были зафиксированы права потерпевшего лица в отношении возмещения за причиненный вред. Одна часть данного памятника отечественного права появилась в первой половине XI в., а другая – во второй половине указанного столетия. Первая именуется Правдой Ярослава, а вторая – Правдой Ярославичей. Содержащиеся в данном акте положения были ориентированы, в том числе, и на то, чтобы охранять частную собственность. Для собственника предусматривалось право в отношении возвращения из чужого владения, являющегося незаконным, имущества, которое ему принадлежало (такого как холоп, конь, одежда, оружие). Предусматривалось назначение штрафа в связи с причиненной обидой согласно строго предусмотренной процедуре, в которой требовались показания свидетелей. В случае необходимости проводилось разбирательство в присутствии 12 человек. Соответствующие положения содержатся в Краткой Правде в ст. 13–16, а в Пространной Правде – в ст. 34, 35.

Защита движимой собственности основывалась на принципе, предусматривающем возвращение лицу, являющемуся законным собственником, с уплатой компенсирующего убытки штрафа.

Наряду с возмещением имущественного ущерба в случае незаконного пользования чужой вещью и воровства предусматривалась необходимость денежного возмещения в связи с «обидой».

В обязательственном праве предусматривались обязательства из договоров и деликтов. Четкая дифференциация уголовно- и гражданско-правовых обязательств отсутствовала. Обязательство являлось правовым отношением, в связи с наличием которого нарушителю имеющихся у лица интересов требовалось в пользу данного лица совершить предусмотренные действия.

Следствием обязательств из правонарушений по Русской Правде являлась ответственность, связанная с возмещением убытков и уплатой штрафа. Так, Краткая Правда предусматривала, что ответ-

¹ Титов Ю.П. История государства и права России. – Москва: Велби, 2003. – С. 31.

² Юшков С.В. Памятники русского права. Вып. 1. – Москва: Госюриздат, 1950. – С. 11.

ственность взявшего чужую одежду или коня состояла в возвращении взятого чужого имущества и уплате штрафа в размере трех гривен. Для укрывателя холопа ответственность состояла в возвращении укрываемого и выплате штрафа [3].

В Русской Правде предусматривались разновидности наказаний денежного характера, применявшихся в случае причинения потерпевшему вреда, в виде урока, головничества, продажи и виры (дикой и обыкновенной). Некоторые взыскания направлялись в казну князя, а другие – лицам, которым был причинен вред либо обида вследствие совершения посягательства [4].

Головничество представляло собой замену талиона. Все взимаемое поступало лицу, которое утратило родственника вследствие посягательства, заявило и выиграло гражданский иск. Какие-либо выплаты в княжескую казну от головничества не производились.

Закон не определял величину головничества. Очевидно, что исходно оно определялось по соглашению между причинившим обиду лицом и тем, кому она была причинена. В дальнейшем величину определял суд на основе заявляемого обиженным иска.

Применительно к вире следует отметить, что она была исходно введена на случай совершения убийства, при котором родственники убитого, способные преследовать убийцу в порядке мести, отсутствовали. Вира представляла собой обращение выморочного имущества в княжескую казну. Закон фиксировал величину виры. Так, составлявшая сорок гривен вира подлежала взиманию в случае, если был убит простой свободный человек. Если же убитым являлся боярин, подлежала взиманию вира, являющаяся двойной [5].

В указанный период существовало ручательство верви (общины) за каждого участника общины в том, что будут сохраняться спокойствие, тишина и мир. В этой связи в случае выявления трупа в пределах территории верви в отсутствие сведений о совершившем преступлении вира подлежала уплате исходя из состояния убитого. Данная вира называлась дикой. Если отсутствовали сведения о том, кем был убитый, вира подлежала взиманию в обычном одинарном размере.

С момента ликвидации талиона, т.е. с момента, когда была исключена возможность мстить убийцам в частном порядке, вира стала сходной с головничеством.

Соответствующие взыскания взимались при любом убийстве. Головничество направлялось наследникам или близким родственникам лишенного жизни, а вира – в казну князя в виде санкции за совершение посягательства.

Еще одной разновидностью взыскания являлась продажа. Выплата продажи должна была осуществляться лицом, которое виновно нарушило личные права другого лица (за исключением лишения жизни). Данное взыскание носило штрафной характер. Если взыскание виры производилось исключительно в случае лишения жизни, то продажа взыскивалась в связи с любыми иными нарушениями прав. Закон предусматривал различия в величине данного взыскания исходя из категории посягательства, виновности в содеянном. Так, устанавливались такие размеры, как одна, три, двенадцать, двадцать гривен. При этом последний вариант санкции носил наименование полувиры.

Если вследствие преступления у господина возникал материальный убыток, предусматривалась необходимость выплаты урока. С учетом данного обстоятельства выплата уроков производилась, в том числе, в связи с убийством холопа, раба. Взыскание урока сопровождалось взысканием продажи в случае свободного статуса лица, убившего зависимого человека либо повредившего чужую вещь [6].

Пространная редакция Русской Правды в течение ряда столетий выступала в качестве ключевого акта, регламентировавшего судопроизводство на Руси. Следует отметить, что еще в XV–XVI вв. судами назначались санкции в виде продаж, вир. Кроме того, назначались поток и разграбление (у совершившего преступление лица конфисковывалось все имущество, а данное лицо отправлялось в изгнание).

Двинская уставная грамота 1398 г. в числе ключевых разновидностей наказания предусматривала взыскиваемый в пользу пострадавшего, родственников пострадавшего штраф в денежной форме³.

Соответственно, на основе изучения содержащихся в Русской Правде положений с точки зрения развития анализируемого института следует отметить, что в указанном законе предусматривался

³ Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – Москва: Юридическая литература, 1985. – С. 181–182.

особый институт возмещения вреда. При этом в указанный период нормативно не дифференцировались такие категории, как ущерб, вред, убытки. Практически во всех случаях возмещение вреда предусматривало необходимость уплачивать продажу либо виру. В этой связи данный институт не был самостоятельным и представлял собой средство, применявшееся для того, чтобы восстановить справедливость [7].

В эволюции отечественного права следующей стадией являлось появление Псковской судной грамоты. В Пскове, Новгороде в XII–XV вв. с развитием отношений товарно-денежного характера сформировалась система обязательственного права. Ее развитие предполагало необходимость нормативно зафиксировать имущественную ответственность.

Псковская судная грамота характеризуется изменением понятия преступления, увеличением состава деяний, относящихся к ним. В Псковской судной грамоте предусматривалась ответственность за совершение преступлений в виде разбоя шайкой, поджога, грабежа, разбоя и кражи. В качестве преступных подлежали квалификации и посягательства в отношении государства.

Установленные в Псковской судной грамоте наказания были представлены в виде имевшей штрафной характер продажи, смертной казни. Продажа поступала в княжескую казну, при этом часть средств получала казна Пскова. Устанавливались и взыскания в пользу потерпевшего в виде компенсации за причиненный вред⁴. За кражу предусматривались штрафная выплата в княжескую казну и выплата потерпевшему. Совершение побоев каралось по Псковской судной грамоте продажей в пользу княжеской казны и составлявшим один рубль вознаграждением потерпевшему⁵.

Институт возмещения убытков получил дальнейшее развитие в период формирования Московского государства. В сопоставлении с Русской Правдой в Судебнике 1497 г. четко определялись обязательства из причинения вреда. За потраву и некоторые иные деяния была установлена ответственность имущественного характера. Так, при потраве лицу, в собственности которого находился истребивший посевы скот, требовалось произвести в пользу владельца возмещение понесенных последним убытков. Лихое дело – преступление – было определено Судебником 1497 г. в виде действия любого рода, вследствие которого причинялся вред господствующему классу либо государству. Наряду со смертной казнью Судебник 1497 г. – первый кодифицированный акт государства, являющегося централизованным, который устанавливал взыскание из имущества преступления головы для того, чтобы компенсировать причиненный потерпевшему моральный вред.

Новой стадией развития анализируемого института являлся Судебник 1550 г., предусмотревший пени – штрафы в денежной форме. Пени взыскивались в случае, если наносилось бесчестье. Государь определял, какая сумма подлежала уплате обесщеченному лицу. Взыскание пеней производилось и в случае противоправного обогащения должностных лиц. Пени должна была быть уплачена в трехкратном размере в отношении того, что противоправно приобрел лихоимец⁶. Судебник 1550 г. предусматривал и возможность заявить при убийстве гражданский иск.

В Судебниках 1497 и 1550 гг. присутствовали положения, предусматривавшие выплату обиженному денежных средств в размере, который определялся с учетом сословной принадлежности.

Отечественное законодательство XVII в. также предусматривало необходимость уплачивать денежное вознаграждение, реализовывавшее компенсационную функцию, сверху суммы имущественного ущерба, который был причинен потерпевшему. Соборное уложение 1649 г. предусматривало определение величины причиненного лицу бесчестья. Ответственность в связи с причиненным оскорблением устанавливалась в размере от одного до четырехсот рублей исходя из обстоятельств в виде сана, звания, социального статуса подвергшегося оскорблению лица. Указанные обстоятельства определяли и величину компенсации в денежной форме, подлежавшую уплате в случае, если причинялись телесные повреждения [8].

Соответственно, Соборное уложение 1649 г. представляло собой более совершенный источник правового регулирования компенсации за моральный вред. В нем детально определялась величина воз-

⁴ Титов Ю.П. Псковская Судная грамота. Хрестоматия по истории государства и права России. – Москва: Проспект, 2000. – С. 30.

⁵ Чистяков О.И. История отечественного государства и права: в 2 т. – Москва: Юристъ, 2001. – Т. 1. – С. 35.

⁶ Скрытнев Е.А. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. – Москва: Наука, 1992. – С. 200.

мещения, подлежавшего выплате в случае причинения бесчестья лицам, являвшимся духовными и служилыми, проживавшим в сельской местности и городах, обладавшим различными званиями.

В законодательстве Петровской эпохи порядок, согласно которому должен был возмещаться ущерб, был изменен. Взыскания в денежной форме поступали преимущественно в казну, а не только потерпевшим. Сохранились правила, регламентировавшие взыскание в случае причинения бесчестья. В таких уставах, как морской и воинский, а также в манифесте Екатерины II «О поединках» были предусмотрены положения в отношении оскорбления чести.

В первой трети XIX в. в качестве ключевого акта законодательства в гражданско-правовой сфере стал выступать Свод законов Российской империи, издание которого впервые состоялось в 1832 г. Его раздел «О вознаграждении за обиды личные имуществом» также предусматривал нормы подобного рода. В статье 574 т. 10 ч. 1 предусматривалось, что «как по общему закону никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой – производят право требовать вознаграждения»⁷.

В связи с обидой, причиненной письменно или устно, обывателю должна была быть выплачена сумма, соответствующая выплате обывателя в городской доход и казну за годовой период. Возмещение вреда представляло собой наказание самостоятельного характера, которое применялось в том случае, если частные и должностные лица не исполняли предусмотренные требования.

Таким образом, исследование вопросов возмещения убытков, осуществленное путем анализа законодательных памятников России, позволяет прийти к выводу о том, что регламентация убытков была обеспечена посредством закрепления соответствующих мер неблагоприятного воздействия на нарушителя в различных властных актах, однако лишь во второй половине XIX в. данный институт стал обретать черты действительно правового посредством соответствующего нормативного урегулирования отношений, складывавшихся в связи с причинением убытков.

Список литературы

1. *Шишкин А.А.* История развития отечественного института возмещения вреда, причиненного преступлением // Молодой ученый. – 2019. – № 19. – С. 284–287.
2. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. – Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 544 с.
3. *Хазыкова Э.К.* Некоторые вопросы гражданского права в Русской Правде // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2008. – № 2. – С. 156–159.
4. *Воробьев С.М.* Русская Правда как один из первоисточников законодательного закрепления права потерпевшего на возмещение вреда // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 5. – С. 25–27.
5. *Росляков А.Д.* Процедура возмещения имущественного вреда в древней Руси X–XIII вв. // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2020. – № 1. – С. 78–80.
6. *Тимошенко Т.А.* История развития института возмещения вреда в России // Верховенство права: международный и национальный аспект: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2020. – С. 109–113.
7. *Жигулина В.В.* Становление и развитие института возмещения вреда в гражданском праве в дореволюционной России // Высшая школа: научные исследования: материалы межвузовского научного конгресса. – Москва, 2019. – С. 36–40.
8. *Ширманов И.А.* Ответственность судей как гарантия прав личности (исторические аспекты в древности и средневековье) // Российский судья. – 2003. – № 4. – С. 32–34.

⁷ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов: в 2 кн. / сост. И.М. Тютрюмов. – Москва: Статут, 2004. – Кн. 2. – С. 334.

References

1. *Shishkin A.A.* Istoriya razvitiya otechestvennogo instituta vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem // *Molodoy uchenyj.* – 2019. – № 19. – S. 284–287.
2. *Yushkov S.V.* Obshchestvenno-politicheskiy stroj i pravo Kievskogo gosudarstva. – Moskva: Gos. izd-vo yurid. lit., 1949. – 544 s.
3. *Hazykova E.K.* Nekotorye voprosy grazhdanskogo prava v Russkoj Pravde // *Vestnik Instituta kompleksnyh issledovaniy aridnyh territorij.* – 2008. – № 2. – S. 156–159.
4. *Vorob'ev S.M.* Russkaya Pravda kak odin iz pervoistochnikov zakonodatel'nogo zakrepleniya prava poterpevshego na vozmeshchenie vreda // *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie.* – 2007. – № 5. – S. 25–27.
5. *Roslyakov A.D.* Procedura vozmeshcheniya imushchestvennogo vreda v drevnej Rusi X–XIII vv. // *Aktual'nye problemy penitenciarnoj nauki i praktiki.* – 2020. – № 1. – S. 78–80.
6. *Timoshenko T.A.* Istoriya razvitiya instituta vozmeshcheniya vreda v Rossii // *Verhovenstvo prava: mezhdunarodnyj i nacional'nyj aspekt: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* – Sterlitamak, 2020. – S. 109–113.
7. *Zhigulina V.V.* Stanovlenie i razvitie instituta vozmeshcheniya vreda v grazhdanskom prave v dorevolyucionnoj Rossii // *Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya: materialy mezhvuzovskogo nauchnogo kongressa.* – Moskva, 2019. – S. 36–40.
8. *Shirmanov I.A.* Otvetstvennost' sudej kak garantiya prav lichnosti (istoricheskie aspekty v drevnosti i srednevekov'e) // *Rossijskij sud'ya.* – 2003. – № 4. – S. 32–34.

УДК 327.7

РОЛЬ КОМИССИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Лобанов Роман Олегович¹,
канд. ист. наук, ст. преподаватель,
e-mail: r.o.lobanov@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Сергиевом Посаде, г. Сергиев Посад, Россия

Рассматривается история создания и эволюции института Комиссии Европейского сообщества (Сообщества) во второй половине XX в. С момента начала западноевропейской интеграции данная структура играла одну из ключевых ролей в Сообществе и продолжает играть в настоящее время уже в рамках Европейского союза. Актуальность темы обосновывается интересом к Европейскому союзу в целом как к наиболее успешному на сегодняшний момент времени региональному интеграционному объединению, претендующему на роль одного из центров многополярного мира. Целью исследования является выявление функций, места и роли Комиссии в Европейском сообществе. В качестве ключевых методов работы применяются анализ документов, исторический и хронологический методы. Дается обзор ключевых полномочий Комиссии, показываются их изменения под влиянием процесса развития западноевропейской интеграции. Отдельное внимание уделяется представлению Комиссии как наднационального органа. Анализируются положения основополагающих договоров Европейского сообщества: Парижского, Римского, Брюссельского, а также Единого Европейского акта. На их основании делаются выводы о полномочиях и значимости Комиссии в рамках интеграционного объединения.

Ключевые слова: высший руководящий орган, Комиссия, Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество, Единый европейский акт, договоры об учреждении Европейских сообществ

THE ROLE OF THE COMMISSION IN THE EUROPEAN COMMUNITY SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Lobanov R.O.¹,
Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer,
e-mail: r.o.lobanov@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Sergiev Posad, Sergiev Posad, Russia

The article describes the history of the creation and evolution of the institution of the Commission of the European Community (Community) in the second half of the XX century. Since the beginning of Western European integration this structure has played one of the key roles in the Community and continues to play now within the framework of the European Union. The relevance of the topic is justified by the interest in the European Union as a whole as the most successful regional integration association at the moment, claiming to be one of the centers of the multipolar world. The main aim of the article is to identify the functions, place and role of the Commission in the European Community. Document analysis, narrative, historical and chronological methods were used as key methods of work. The article provides an overview of the key powers of the Commission, shows their changes under the influence of the process of development of Western European integration. Attention is paid to the presentation of the Commission as a supranational body. The article analyzes the provisions of the fundamental treaties of the European Community: Paris, Rome, Brussels and the Single European Act. Conclusions about the powers and significance of the Commission within the framework of the integration association are made on their basis.

Keywords: high authority, Commission, European coal and steel committee, European economic community, Single European act, treaties establishing the European Communities

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-11-19

Европейская комиссия (ЕК) – высший коллегиальный орган исполнительной власти, играющий одну из ключевых ролей в современном Европейском союзе. Ее появление связано с первым западноевропейским интеграционным сообществом – Европейским объединением угля и стали (ЕОУС), возникшим согласно Парижскому договору 1951 г. (Парижский Договор, Договор ЕОУС)¹. На тот момент времени будущая Европейская комиссия носила наименование Высшего руководящего органа. Однако уже в следующем основополагающем документе западноевропейской интеграции – Римском договоре 1957 г. (Римский Договор, Договор ЕЭС)² – используется такое название, как Комиссия. В это время возникли еще два интеграционных объединения – Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом).

Один из крупнейших отечественных специалистов по европейской интеграции, руководитель Центра документации Европейского союза Института Европы Российской академии наук Юрий Борко очень удачно предложил назвать данный этап интеграции отраслевым [1, с. 9–10]. До Договора о слиянии исполнительных структур³ трех сообществ существовало три различных органа с похожими функциями. Однако после вступления договора в силу с 1967 г. возникла единая структура – Комиссия Европейских сообществ. В научной литературе и официальных документах с этого момента используется наименование «Европейское сообщество», состоящее из ЕОУС, ЕЭС и Евратома.

В начале основная функция Комиссии заключалась в инициировании и воплощении политики Европейского сообщества, одобренной Европейским советом и Европейским парламентом (изначально – Ассамблея). Отмечалось, что данная структура должна быть полностью независима от национальных правительств. По мнению профессора Анри Обердорффа (Институт политических наук г. Гренобля), Комиссия «является чем-то смежным между правительством, как политическим организмом, и коллегией высокопоставленных чиновников, т.е. административным органом» [2, с. 19].

Следовательно, в рамках западноевропейской интеграции стали формироваться органы двух типов – наднациональные и межгосударственного сотрудничества. Подобная двойственность вызвала дискуссию о правовой природе ЕЭС [3, с. 76]. Одна часть институтов Сообществ состояла из официальных представителей государств-членов, а другая – из лиц, предлагаемых национальными правительствами, но полностью независимыми в выполнении своих обязанностей [1, с. 23]. Это было необходимо для поддержания баланса интересов между национальными государствами-членами и Сообществом в целом. Из ключевых структур к наднациональным относились Европейская комиссия и Европейский парламент. К типичным органам межгосударственного сотрудничества можно отнести Европейский совет, состоящий из глав правительств стран-членов или отдельных министров. Изначально в рамках западноевропейской интеграции значимость органов межгосударственного сотрудничества превалировала, т.к. решения по ключевым вопросам принимались исключительно единогласно, но в дальнейшем полномочия наднациональных органов стали значительно расширяться. При этом, как считает доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук В.Г. Шемятенков, «...архитекторы Римских договоров сделали полшага назад и, не меняя наднациональной сущности западноевропейской интеграции, позаботились о том, чтобы не выпячивать ее на первый план, гарантировав права национальных государств» [4, с. 18].

В наибольшей степени полномочия Комиссии были раскрыты в Договоре ЕЭС, учитывая значительное количество сфер сотрудничества, интегрированных в рамки ЕЭС. Парижский договор и Договор о Евратоме⁴ в этом отношении значительно уступают в объеме положений. Тем не менее, именно Договор ЕОУС установил создание Высшего руководящего органа и состоящего при нем Консульта-

¹ Договор об учреждении европейского объединения угля и стали 1951 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [офич. сайт]. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901771691> (дата обращения: 17.07.2022). – Текст: электронный.

² Договор об учреждении европейского экономического сообщества 1957 г. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901771692> (дата обращения: 17.07.2022). – Текст: электронный.

³ Договор об учреждении Единого совета и Единой комиссии Европейских сообществ 1965 г. – URL: http://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_a_single_council_and_a_single_commission_of_the_european_communities_8_april_1965-en-be427f35-bec6-4872-9afa-e9602d628aea.html (дата обращения: 15.06.2022). – Текст: электронный.

⁴ Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 г. – URL: <http://www.eulaw.ru/treaties/teuratom/> (дата обращения: 09.03.2022). – Текст: электронный.

тивного комитета. В качестве обязанности данного органа провозглашалось обеспечение целей, поставленных в приведенном договоре.

Одной из важнейших задач ЕЭС являлся трехэтапный переход к Общему рынку (пространству со свободным движением товаров, услуг и капиталов). Предполагалось, что это займет 12–15 лет. Комиссия участвовала в данном процессе через подготовку докладов о возможности стран-участниц двигаться дальше на пути интеграции.

Учитывая то, насколько болезненным являлся для стран-участниц процесс перехода к Общему рынку, связанный с постепенным ограничением национального суверенитета и передачи полномочий на наднациональный уровень, требовались механизмы для смягчения противоречий. Была сформирована специальная Арбитражная инстанция. Данная структура была призвана решать вопросы со странами, оставшимися в меньшинстве при голосовании о переходе к следующему этапу формирования Общего рынка. Комиссия участвовала в формировании состава Арбитражной инстанции, предлагая кандидатуры трех членов.

Комиссия обладала правом вносить Европейскому совету предложения о переносе сроков реализации второго и третьего этапов. Соответственно, хотя по ключевым вопросам решения принимал Европейский совет, однако вся подготовительная работа являлась прерогативой Комиссии, которая решала вопросы о готовности стран-участниц к дальнейшей реализации проекта.

Комиссия была призвана обеспечивать функционирование и развитие Общего рынка. Для этого она выполняла следующие задачи:

- 1) гарантировала применение положений Римского договора и мер, предпринимаемых для этого институтами Сообщества;
- 2) выносила рекомендации или заключения по вопросам, связанным с реализацией Договора;
- 3) обладала полномочиями по принятию решений и разработке мер, предпринимаемых Советом ЕЭС и Европейским парламентом.

Соответственно, можно увидеть, что инструментами Комиссии являлись рекомендации, заключения и решения. Согласно ст. 189 Римского договора рекомендации и заключения не носили обязательного характера, в отличие от решений. В случае неисполнения последних Комиссия могла обратиться в Суд (Сообщества). Важным моментом было положение об участии Комиссии в процедуре внесения изменений в действующий договор.

Римский договор наделял Комиссию широкими полномочиями для создания условий перехода к Общему рынку. В частности, она имела право собирать любую информацию и проводить необходимые проверки для реализации положений договора.

Прерогативы Комиссии можно наблюдать во всех сферах сотрудничества, заявленных Римским договором. В целом, полномочия однотипны. В рамках реализации сотрудничества в той или иной сфере Комиссия готовит предложения Совету (Сообщества), собирает информацию, дает рекомендации и временные разрешения странам-участницам по защите национальных интересов в экономической сфере, участвует в разрешении споров. В частности, в рамках реализации проекта Таможенного союза Комиссия получила право готовить свои предложения на утверждение Европейским советом по вопросам, связанным с поэтапным снижением таможенных пошлин между странами-участницами. Государства-члены были обязаны отчитываться перед Комиссией о выполнении обязательств по данному направлению сотрудничества. Она, в свою очередь, могла давать рекомендации национальным правительствам по выполнению их обязательств в данной сфере. Одновременно Комиссия имела право предложить Европейскому совету изменение планов и конкретных цифр, касающихся повышения или снижения пошлин на отдельные товары. Она могла временно на срок до 6 лет сохранить для государства-члена фискальную пошлину в случае серьезных трудностей вследствие ее отмены.

Комиссия принимала участие в подготовке переговоров стран-членов по выработке общего таможенного тарифа и определению тарифных квот на отдельные виды товаров. Статья 29 Римского договора охарактеризовала следующие задачи Комиссии в данной области:

- 1) содействие развитию торговли, как внутри ЕЭС, так и с третьими странами;
- 2) формирование условий конкурентоспособности предприятий;
- 3) решение вопросов в обеспечении стран Сообщества сырьем и полуфабрикатами;

4) избегание серьезных экономических потрясений и обеспечение рационального развития производства и роста внутреннего потребления в странах-членах.

В торговле между странами ЕЭС запрещались количественные ограничения на импорт между участниками интеграционного объединения. Государства-члены были обязаны предоставить в Комиссию списки товаров, либерализованных ими, для последующего составления общих списков уже в рамках Сообщества в целом. Комиссия получила право определять квоты на так называемые нелиберализованные товары стран-членов, рекомендовать Европейскому совету изменить установленные квоты, а также разрешать государствам отменять неиспользуемые квоты.

Согласно ст. 35 Римского договора Комиссия давала рекомендации странам-участницам, готовым отменить количественные ограничения раньше установленных Договором сроков.

Комиссия обладала правом разрешить государствам-членам принимать защитные меры (определяемые ею же) в случае, если один из участников Сообщества производит продукт, являющийся предметом национальной монополии.

В области перехода к Общей аграрной политике Комиссия принимала участие в процедуре определения товаров, подпадающих под действие соглашений. Согласно ст. 43 Римского договора на Комиссию накладывалось обязательство по созыву конференции стран-участниц Сообщества с целью анализа их сельскохозяйственной политики. По итогам работы данного форума она должна была подготовить предложения по реализации Общей аграрной политики. Комиссия принимала участие в разработке критериев минимальных цен на отдельные виды сельскохозяйственных товаров в интересах стран-участниц, а в дальнейшем могла давать рекомендации по их изменению. Кроме того, она принимала участие в процессе сближения цен на ряд продуктов в разных странах ЕЭС, устанавливала размеры компенсационных сборов на продукты, регулируемые национальным рынком.

В рамках политики в отношении трудящихся прерогатива Комиссии состояла в подготовке предложений для утверждения Европейским советом в области социального обеспечения в целях свободного передвижения рабочей силы, с выплатой соответствующих пособий.

Комиссия давала рекомендации при разработке Советом программы ликвидации существующих ограничений на свободу жительства и экономической деятельности в рамках Сообщества.

Рекомендательные функции имела Комиссия и в области свободного предоставления услуг в Сообществе. Под услугами авторы Римского договора понимали: во-первых, деятельность промышленного характера; во-вторых, деятельность торгового характера; в-третьих, деятельность ремесленников; в-четвертых, деятельность лиц свободных профессий. Подобные функции Комиссии были связаны и с движением капитала.

Комиссия должна была разработать и предложить на утверждение Совета меры, направленные на координацию политики стран-членов в области валютных операций (в дальнейшем реализация данной линии приведет сначала к появлению «валютной змеи» – системы совместного колебания валютных курсов, а в рамках Европейского союза – к Валютному союзу). Комиссия участвовала в консультациях с государствами-членами в случае возникновения ситуации, когда в одной из стран для резидентов были более льготные условия перевода капиталов. Комиссия давала рекомендации странам-членам в случае их пожелания ускорить процесс либерализации капитала в сравнении с установленными Римским договором сроками. Государства-члены брали на себя обязательства ставить Комиссию в известность о движении капиталов в третьи страны или из них. Комиссия могла дать временное разрешение государству-члену принять защитные меры в сфере движения капиталов при угрозе внутреннему рынку капиталов. Если государство в одностороннем порядке вводило защитные меры, Комиссия имела право потребовать изменения или отмены подобных мер.

Приведенные прерогативы имела Комиссия в области общей транспортной политики. На втором этапе перехода к Общему рынку она получила право санкционирования введения странами-членами Сообщества тарифов на транспортные перевозки. Комиссия могла рассматривать тарифы, причем не только по запросу одного из государств-членов, но и по собственной инициативе. Комиссия давала рекомендации в отношении сборов при пересечении границ между странами Сообщества. Исключение было сделано для ФРГ в связи с ее разделением, т.к. западные страны не признавали существование ГДР.

Комиссия давала рекомендации в отношении предприятий, нарушающих правила свободной конкуренции на территории Сообщества. Она же обладала функцией наблюдения за данной сферой. По факту выявленных нарушений Комиссия принимала соответствующее решение, адресованное государству-члену, в чьей юрисдикции находились данные предприятия. Подобные положения касались и государственных предприятий.

В отношении выявленных случаев демпинга Комиссия издавала рекомендации, адресуемые непосредственному нарушителю. В случае игнорирования данных действий Комиссия могла уполномочить пострадавшую страну-участницу ЕЭС принять необходимые меры для защиты своих интересов.

Следует отметить, что ЕЭС ставил под контроль оказание государственной помощи стран-членов через дотации, если это нарушало конкуренцию. Однако исключение было сделано для депрессивных регионов стран-членов, важнейших проектов, имеющих общеевропейское значение и для ФРГ в связи с ее разделенностью. В каждом конкретном случае решение принималось Комиссией. Она же могла определять и иные сферы, подпадающие под действие Римского договора. К ее полномочиям относился мониторинг всех видов помощи, оказываемый странами-членами своим субъектам. Комиссия имела право требовать от государства-члена прекращения помощи, если была выявлена ее несовместимость с правилами Общего рынка. Государство могло обратиться по спорному вопросу в Совет ЕЭС. В таком случае процедура, инициированная Комиссией, должна была быть приостановлена. Соответственно, в случаях, когда общеевропейские правила серьезно могли нарушить интересы национальных государств, последние могли обойти запреты и рекомендации Комиссии. Однако если в течение трех месяцев Совет не объявлял свою позицию по данному вопросу, то в этом случае Комиссия доводила процедуру до конца и выносила свое решение. Государство-член не могло оказывать помощь, пока не решится вопрос Комиссией.

В налоговой области действовал принцип, согласно которому государства-члены ЕЭС не могли устанавливать на продукцию своих партнеров по Сообществу более высокие налоги, нежели те, которыми облагается продукция национального производителя. В случае нарушения в налоговой сфере Комиссия обладала правом направить государству-члену свои рекомендации или решения. Освобождение от налогов и сборов также могло быть принято Советом ЕЭС, но по предложению Комиссии.

В области сближения законодательств Совет ЕЭС принимал решения единогласно по предложению Комиссии. Последняя обладала правом выявления существующих несоответствий между законодательством, но в рамках заботы о свободе конкуренции. В случае выявления подобного нарушения Комиссия инициировала консультации со странами-членами. При отсутствии компромисса на данном уровне вопрос разрешал Совет ЕЭС, но по предложению Комиссии. Она же давала консультации странам-членам и в случае их обращения.

Комиссия принимала участие в решении вопросов по координации экономической политики. Она предоставляла Совету ЕЭС рекомендации по налаживанию сотрудничества между центральными банками стран-членов и соответствующими административными структурами. Создаваемый в рамках ЕЭС Валютный комитет должен был предоставлять Совету ЕЭС и Комиссии доклады. Государства-члены и Комиссия назначали по два члена в данную структуру. Если государство-член изменяло свой валютный курс и это затрагивало интересы других участников ЕЭС, Комиссия могла разрешить другим участникам на ограниченный период времени принять необходимые меры. При этом Комиссия определяла условия и методы данных мер.

В случае формирования угрожающей ситуации, связанной с нарушением платежного баланса в одной из стран ЕЭС, Комиссия определяла и рекомендовала меры пострадавшему государству. Если Совет ЕЭС не давал разрешения на взаимную помощь, то Комиссия могла рекомендовать стране-члену, испытывающей трудности, защитные меры для исправления ситуации. Однако подобное одностороннее решение могло быть отменено Советом ЕЭС.

В области общей торговой политики Комиссия во время переходного периода к Общему рынку должна была подготовить предложения по достижению единообразия в этой сфере для стран-членов. Она готовила предложения по тарифам в отношении третьих стран, не входящих в ЕЭС. Предполагалось, что Совет ЕЭС уполномочит Комиссию на ведение подобных переговоров. В случае необходимости Комиссия определяла защитные механизмы для государств-членов ЕЭС.

В области социальной политики Комиссия ставила задачу сотрудничества стран-членов ЕЭС в таких областях, как занятость, трудовое законодательство, профессиональное обучение, социальное обеспечение, предотвращение несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, профессиональные союзы и заключение коллективных договоров. Комиссия предлагала на утверждение Совету ЕЭС минимальные требования в указанных областях. Однако делалось уточнение, что данные меры не должны препятствовать созданию мелких и средних предприятий. Взятые на себя государствами-членами обязательства касались оплаты труда, отпусков, обеспечения трудовых мигрантов. Комиссия была обязана каждый год предоставлять в докладе Европейскому парламенту отдельную главу о социальной политике. Для более эффективной социальной политики в рамках ЕЭС создавался Социальный фонд, управление которым возлагалось на Комиссию. Одновременно формировался Комитет, состоящий из членов Комиссии, представителей профсоюзов и организаций предпринимателей. Суммы, выделяемые Социальным фондом, контролировались и утверждались Комиссией. В случае необходимости она могла ходатайствовать перед Советом ЕЭС о прекращении помощи.

Согласно ст. 210 Римского договора утверждалось, что ЕЭС пользуется всеми правами юридического лица. Сообщество обладало широкой правоспособностью на территории своих государств-членов. Оно могло приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, а также выступать стороной в суде. Во всех этих случаях представителем ЕЭС выступала Комиссия. Она вела переговоры с третьими странами и международными организациями. Комиссия от лица Сообщества поддерживала связи с ООН и ее структурами, а также с системой Генерального соглашения по тарифам и торговле.

Странами-участницами трех сообществ в 1965 г. был подписан (в 1967 г. вступил в силу) Договор слияния исполнительных структур трех сообществ (Брюссельский договор). Он возложил на Комиссию обязанность подготовки общего доклада о деятельности Сообщества. Договор в основном касался изменения количественного состава комиссии. С учетом произошедшего в 1986 г. расширения Европейского сообщества за счет Испании и Португалии в Комиссии стало 17 членов (это было последнее расширение в рамках ЕЭС, до перехода к Европейскому союзу). При этом от каждого государства-члена Сообщества должно было быть не менее одного члена Комиссии, но при этом не более двух. Члены Комиссии назначались по общему согласию правительств государств-членов, что было хоть какой-то гарантией контроля за этим откровенно наднациональным органом. Срок полномочий составлял 4 года, но с правом возобновления. Полномочия могли быть прекращены досрочно в случае добровольной отставки или отстранения от должности. Суд Сообщества мог отстранить члена Комиссии от занимаемой должности в случае нарушения им требований, установленных основополагающими Договорами Сообщества по ходатайству Совета или Комиссии. Согласно Акту о вступлении Испании и Португалии в Сообщество, Председатель Комиссии и шесть вице-председателей должны были назначаться из числа членов Комиссии на двухгодичный срок. Процедура назначения при этом была такой же, как и для рядовых членов Комиссии. Она принимала решения большинством голосов своих членов. Важным моментом стало упоминание о том, что только Комиссия обладала правом представлять на утверждение Совету министров проекты директив.

Статья 10 Брюссельского договора, внесшего изменения в текст Римского договора, отмечала, что члены Комиссии полностью независимы в выполнении своих обязанностей, действуя в общих интересах Сообщества. Членам Комиссии запрещалось на время исполнения полномочий заниматься иной деятельностью, как связанной с получением вознаграждения, так и без него.

В начале 80-х гг. XX в. Комиссией был разработан документ – Белая книга, которая содержала более 300 предложений, нацеленных на углубление интеграции во всех направлениях экономической политики, с указанием сроков их выполнения. По мнению кандидата экономических наук В. Зуева, к 1993 г. «мероприятия “Белой книги”... в основном выполнены» [5, с. 188]. Правовой реализацией этих предложений стало подписание в 1986 г. Единого европейского акта (ЕЕА)⁵. Данный договор вступил в силу в 1987 г. Это был первый документ после Римского договора, существенно обновивший законодательную базу Европейского сообщества. Юридически был провозглашен переход от Общего рынка к Единому внутреннему рынку с более значительными обязательствами стран-членов Сообщества.

⁵ Единый европейский акт 1986 г. – URL: <http://www.conventions.ru/int/4857> (дата обращения: 17.07.2022). – Текст: электронный.

Упрощались процедуры принятия решений Советом. Это решение заставило пересмотреть некоторые процедурные вопросы, в том числе касающиеся полномочий Комиссии. На Комиссию возлагалась обязанность подготовить два доклада в 1988 и 1990 гг. о прогрессе, достигнутом в плане перехода к Внутреннему рынку. Процедуры функционирования Комиссии в целом остались прежними, но теперь они были ориентированы не на обеспечение Общего рынка, а на переход к Единому рынку. У Комиссии появились новые сферы ответственности, такие как здравоохранение, безопасность, защита окружающей среды, защита потребителей. Государства-члены принимали на себя новые ограничения. В случае принятия Советом решения квалифицированным большинством отдельное государство могло использовать национальное законодательство, но только в случае крайней необходимости и по согласованию с Комиссией. В случае несогласия Комиссия обладала правом подачи иска в Суд (Сообщества).

В Едином европейском акте появляются новые сферы сотрудничества: экономическое и социальное сплочение, исследования и технологическое развитие, окружающая среда. Комиссия в новых сферах, как и в прежних, обладала консультативными и рекомендательными функциями. Сами эти сферы были ориентированы на преодоление различий в развитии стран и регионов Сообщества.

Изменения, внесенные ЕЕА в деятельность ЕОУС и Евратома, носили процедурный характер.

Кроме того, в ЕЕА появляется новая важная сфера сотрудничества – Европейское сотрудничество в области внешней политики. Существовавшую ранее вне основополагающих договоров Сообщества Европейскую политическую систему (ЕПС) институционализировали через ЕЕА. Стороны заявили желание сообща формулировать и осуществлять европейскую внешнюю политику. Подчеркивалось, что вопросы политической и экономической безопасности должны решаться в рамках ЕПС. В целом, данная сфера была вынесена на межгосударственный уровень сотрудничества. Однако ст. 30 ЕЕА предусматривала, что министры иностранных дел стран-членов Сообщества и один из членов Комиссии должны не реже четырех раз в год собираться в рамках системы Европейского политического сотрудничества. Указывалось, что Комиссия является полноправным участником деятельности данного инструмента. Сформулированная в дальнейшем в рамках Европейского союза сфера Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) стала прямым наследником системы ЕПС. По мнению исследователя Ю.А. Гусарова, формирование ОВПБ было «особенно необходимо для комплексного развития Союза во всех областях, для усиления его роли на международной арене» [6, с. 56].

На достигнутом согласно ЕЕА уровне западноевропейской интеграции стали формироваться предпосылки перехода от Европейского сообщества к Европейскому союзу. Возникновение Европейского союза в 1993 г. не привело к ликвидации Европейских сообществ, т.е. все они продолжили свою работу. Неизбежно возникла проблема дублирования функций и полномочий. По мнению Е.В. Гречишниковой, «дублирование отдельных пунктов, относящихся к исключительной компетенции Европейского сообщества и уже частично или полностью реализованных, позволяет рассматривать эти нормы Договора о Европейском союзе в качестве программных положений, материальная реализация которых остается в ведении сообществ» [7, с. 40]. Таким образом, эти моменты были возложены соответственно на Комиссию Сообщества и на Европейскую комиссию (Европейского союза).

Иной взгляд на соотношение двух интеграционных блоков предлагает белорусский исследователь Ю.А. Лепешков, считающий, что «...хотя Европейский союз и создан на основании договора, он, тем не менее, не обладает статусом юридического лица в международном праве и действует лишь опосредованно, через свои составные части: Сообщество и государства-участники» [8, с. 33]. Однако и с этой точки зрения Комиссия Сообщества продолжала обладать значимыми полномочиями и после создания Европейского союза.

На основании положений основополагающих договоров Европейского сообщества можно сделать ряд выводов о месте и роли Комиссии в интеграционном объединении.

Во-первых, данный орган являлся наднациональным в системе органов Европейского сообщества. Об этом говорят механизм формирования и принцип независимости от национальных правительств. Последние не могли отозвать с должности неугодного члена Комиссии.

Во-вторых, Комиссия обладала значительными полномочиями в вопросах реализации положений основополагающих договоров Сообщества и намечала вектор дальнейшего развития интеграционного объединения. Она также являлась исполнительным органом по отношению к актам Совета (Со-

общества). Без участия Комиссии в рамках Сообщества не могло быть принято ни одно принципиальное решение. Кроме того, подобные решения могли быть поставлены на обсуждение Советом лишь по представлению Комиссии.

В-третьих, Комиссия имела определенное влияние на национальные государства, делая исключения для одних в реализации положений подписанных соглашений и призывая к соблюдению установленных норм другими. Однако Комиссия сама по себе не обладала правом наложения санкций и передавала решение спорного вопроса на рассмотрение Суда (Сообщества).

В-четвертых, значение Комиссии в рамках Сообщества нельзя преувеличивать, т.к. решение по ключевым вопросам оставалось за Советом (Сообщества), следовательно, не на наднациональном, а на межгосударственном уровне сотрудничества. Основные инструменты Комиссии – рекомендации и заключения – не носили обязательного характера. Согласно Римскому договору, баланс полномочий между Советом и Комиссией был установлен следующим образом: Совет являлся главным «законодателем» Сообщества, а Комиссия, обладая законодательной инициативой, стала выступать как главный исполнительный орган.

В-пятых, ключевые полномочия (за исключением процедурных вопросов) Комиссии не изменились за несколько десятилетий существования Европейских сообществ, поэтому говорить о какой-то эволюции роли и функций данного общества не приходится. Этот момент пришелся уже на следующий этап европейской интеграции – формирование и развитие Европейского союза.

В-шестых, для структуры органов Сообщества была характерна определенная система сдержек и противовесов. Совет (Сообщества) представлял интересы государств-членов, а Европейский парламент – интересы народов, входящих в интеграционное объединение (во многом формально). Комиссия в данной системе была призвана выражать общеевропейские интересы. Это, соответственно, и привело к появлению евробюрократии, оторванной от национальных интересов своих стран.

Список литературы

1. Европейский союз / под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко, И.Д. Иванова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Деловая литература, 2003. – 288 с.
2. Европейская интеграция: современное состояние и перспективы: сборник научных статей / под ред. С.И. Паньковского. – Минск: ЕГУ, 2001. – 336 с.
3. Юмашев Ю.М. Правовая эволюция европейских сообществ: до и после Маастрихта // Московский журнал международного права. – 1992. – № 3. – С. 73–92.
4. Европейский союз на пороге XXI в.: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 472 с.
5. Год планеты. Экономика. Политика. Бизнес. Культура. Из жизни звезд / под ред. О.Н. Быкова. – Москва: Республика, 1993. – С. 188–192.
6. Шишков Ю.В., Данилов Д.А., Гусаров Ю.А. Европейский союз на рубеже веков. – Москва: ИНИОН РАН, 2000. – 294 с.
7. Гречишников Е.В. Некоторые вопросы принятия решений в Европейском союзе и Европейском сообществе // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2. – С. 38–42.
8. Лепешков Ю.А. Европейское сообщество: к вопросу о юридической природе международной организации // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 2. – С. 33–37.

References

1. Evropejskij soyuz: spravochnik-putevoditel' / pod red. O.V. Butorinoj, Yu.A. Borko, I.D. Ivanova. – 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva: Delovaya literatura, 2003. – 288 s.
2. Evropejskaya integraciya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy: sbornik nauchnyh statej / pod red. S.I. Pan'kovskogo. – Minsk: EGU, 2001. – 336 s.
3. Yumashev Yu.M. Pravovaya evolyuciya evropejskih soobshchestv: do i posle Maastrihta // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 1992. – № 3. – S. 73–92.
4. Evropejskij soyuz na poroge XXI v.: vybor strategii razvitiya / pod red. Yu.A. Borko, O.V. Butorinoj. – Moskva: Editorial URSS, 2001. – 472 s.

5. God planety. Ekonomika. Politika. Biznes. Kul'tura. Iz zhizni zvezd / pod red. O.N. Bykova. – Moskva: Respublika, 1993. – S. 188–192.
6. *Shishkov Yu.V., Danilov D.A., Gusarov Yu.A.* Evropejskij soyuz na rubezhe vekov. – Moskva: INION RAN, 2000. – 294 s.
7. *Grechishnikova E.V.* Nekotorye voprosy prinyatiya reshenij v Evropejskom soyuze i Evropejskom soobshchestve // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo". – 2008. – № 2. – S. 38–42.
8. *Lepeshkov Yu.A.* Evropejskoe soobshchestvo: k voprosu o yuridicheskoy prirode mezhdunarodnoj organizacii // Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. – 1998. – № 2. – S. 33–37.

УДК 342.84

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Емелин Михаил Юрьевич¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: mikhemelin@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Пензе, г. Пенза, Россия

Предметом исследования является проблематика правового регулирования процедуры рассмотрения обращений граждан, поступающих в органы государственной власти, органы местного самоуправления и избирательные комиссии, по вопросам, связанным с проведением выборов и реализацией избирательных прав граждан. С этой целью осуществляется анализ избирательного законодательства, законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан, сопоставляются их основные понятия, принципы и способы регулирования. Делаются выводы об основных проблемах действующего законодательства в предметной области и выдвигаются предложения по их устранению. Результаты работы могут быть использованы как в целях совершенствования законодательства, так и при организации работ по рассмотрению обращений граждан избирательными комиссиями различных уровней, органами государственной власти и местного самоуправления. Отмечается, что правовое регулирование порядка рассмотрения обращений граждан, связанных с реализацией избирательных прав, имеет сложную правовую регламентацию, требующую корректировок в целях совершенствования процесса правоприменения.

Ключевые слова: избирательное право, обращения граждан, выборы, правовое регулирование

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CONSIDERATION OF CITIZENS' APPEALS IN THE ELECTORAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Emelin M.Yu.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: mikhemelin@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Penza, Penza, Russia

The subject of this study is the problem of legal regulation of the procedure for considering citizens' appeals received by state authorities, local governments and election commissions on issues related to holding elections and exercising the electoral rights of citizens. For this purpose an analysis of the electoral legislation, legislation on the procedure for considering citizens' appeals is carried out, their basic concepts, principles and methods of regulation are compared. As a result, conclusions are made about the main problems of the current legislation in the subject area and proposals for their elimination are proposed. The results of the study can be used both to improve legislation and to organize work on considering citizens' appeals by election commissions of various levels, state authorities and local self-government. The legal regulation of the procedure for considering citizens' appeals related to the exercise of electoral rights has a complex legal regulation that requires adjustments in order to improve the law enforcement process.

Keywords: suffrage, citizens' appeals, elections, legal regulation

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-20-25

Введение

Одним из ключевых прав гражданина, отражающих его взаимосвязь с государством, выступает закрепленное ст. 32 Конституции РФ¹ право на участие в управлении делами государства. При этом право избирать является ключевым инструментом осуществления непосредственного участия в таком управлении. Несмотря на то, что в указанной статье право на обращение в государственные и муниципальные органы не упомянуто в качестве инструмента участия граждан в управлении, его, тем не менее, следует отнести к взаимосвязанным, что подтверждает и закрепление в следующей статье Конституции РФ.

Реализация указанных прав осуществляется в порядке, определенном законодательством. Обе предметные области имеют значительный объем законотворческой регламентации и правоприменительной практики. Вместе с тем в определенных обстоятельствах – в период избирательных кампаний – данные области соприкасаются. Для обеспечения защиты избирательных прав законодательно предусмотрен значительный инструментарий, включающий множество элементов. Одним из таких элементов, безусловно, выступает право граждан на обращение, прежде всего, в избирательные комиссии, осуществляющие организацию избирательного процесса, а также защиту избирательных прав граждан. Особое значение права граждан на обращение связано с тем, что оно выступает показателем гласности и доступности, диалога между обществом и государством [1]. Кроме того, оно позволяет получать обратную связь, выявить общественное мнение о работе органов публичной власти [2]. В избирательном процессе перечисленные характеристики имеют ключевое значение.

На стыке правовой регламентации двух конституционных прав гражданина возникают определенные сложности, связанные с применением смежных положений законодательства. Именно поэтому основными задачами настоящего исследования являются выявление проблем правового регулирования рассмотрения обращений граждан, связанных с реализацией избирательных прав, и поиск возможных вариантов по их разрешению.

Анализ применимости законодательства о рассмотрении обращений граждан к избирательным правоотношениям

Основу регламентации процедуры рассмотрения обращений граждан образует Федеральный закон РФ от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»² (закон № 59-ФЗ). Сфера его применения определена ст. 1 и не ограничена рассмотрением обращений органами власти всех уровней, но включает и обращения, которые поступают в иные организации, осуществляющие публично значимые функции.

Для того чтобы прояснить, распространяется ли порядок, предусмотренный законом № 59-ФЗ на обращения в рамках избирательных процедур, необходимо обратиться к вопросу статуса избирательных комиссий, который, по некоторым оценкам, законодательно сформулирован недостаточно ясно [3]. Так, в ст. 2 Федерального закона РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ определение термина «избирательная комиссия» осуществлено посредством характеристики основной функции – организации выборов, а также порядка формирования – в соответствии с федеральным законом. При этом в указанном определении отсутствует какое-либо упоминание об отношении к публичной власти и вхождении в структуру органов, ее осуществляющих. Упоминается лишь то, что избирательные комиссии представляют собой коллегиальные органы.

Вместе с тем отдельные федеральные законы используют более развернутые характеристики избирательных комиссий. Например, ч. 2 ст. 39 Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.02.2022). – Текст: электронный.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ определяет муниципальную избирательную комиссию как муниципальный орган, не входящий в структуру органов местного самоуправления. Часть 4 ст. 37 Федерального закона РФ от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁵ также характеризует избирательную комиссию субъекта РФ в качестве государственного органа субъекта РФ.

Статус же территориальных и участковых избирательных комиссий подобным образом не определен, что вызывает вопросы относительно порядка рассмотрения поступающих в них обращений.

Не вызывает сомнений то, что обеспечение подготовки и проведения выборов, защита избирательных прав граждан являются одними из первостепенных задач государства. Учитывая, что эти функции возложены на избирательные комиссии, их правовой статус, тождественный органам публичной власти, очевиден. Публичная значимость данных функций означает и распространение на все избирательные комиссии положений закона № 59-ФЗ. Вместе с тем указанным законом не предусмотрено каких-либо особых требований к порядку и срокам рассмотрения обращений граждан по вопросам реализации избирательных прав.

Анализ правового регулирования рассмотрения обращений граждан в избирательном законодательстве

Правовая регламентация избирательных правоотношений на современном этапе имеет сложный, подчас противоречивый характер, не исключающий дублирование регулирования [4, с. 81].

Кроме ранее приведенных конституционных положений регулирование избирательных отношений осуществляется целой системой федерального и регионального законодательства, а также муниципальными правовыми актами, что само по себе порождает существенные трудности правоприменения. Вместе с тем вопрос систематизации избирательного законодательства остается дискуссионным. Высказываются позиции о невозможности урегулирования избирательных отношений исключительно средствами федерального законодательства [5].

Общие требования, характеризующие систему избирательного законодательства, сформулированы в Федеральном законе РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁶ (закон № 67-ФЗ). Его анализ позволяет выделить приведенные далее положения, касающиеся рассмотрения обращений граждан.

1. Части 4 и 5 ст. 20 закона № 67-ФЗ закрепляют общее правило об обязательном рассмотрении избирательными комиссиями обращений о нарушении закона, которые поступили в период избирательной кампании. Кроме того, закреплены необходимость осуществления проверок по поступившим обращениям, предоставлению ответов, а также сокращенный срок рассмотрения обращений – 5 дней, но не позднее дня, предшествующего голосованию, либо немедленно – по обращениям, поступившим в день голосования или на следующий за ним день. Избирательные комиссии также наделены правом обращаться с представлениями в различные органы власти, которые, в свою очередь, в вышеуказанные сроки обязаны провести проверки или принять меры по пресечению нарушений. Обращают на себя внимание следующие особенности приведенных норм:

– законодатель оперирует понятием «обращения о нарушении закона», а не термином «обращения граждан», что, по сути, сводит применение данной нормы к жалобам, исключая, например, применение указанных правил к предложениям или заявлениям о содействии реализации конституционных прав (в терминологии закона № 59-ФЗ). Гражданин, например, может запрашивать информацию о способах реализации своих избирательных прав и имеет право получить запрашиваемую информацию не в 30-дневный срок, а до дня голосования;

– приведенные нормы возлагают обязанности по рассмотрению обращений граждан на избирательные комиссии, а на органы исполнительной власти – только по представлению избирательных

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

⁵ Российская газета. – 2021. – № 294. – 27 декабря.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

комиссий. Вместе с тем гражданин может непосредственно обратиться в правоохранительные и иные органы, например в прокуратуру. Органы прокуратуры проводят масштабную работу в этом направлении, в том числе обеспечивают оперативное рассмотрение поступающих обращений [6]. При этом ни закон № 67-ФЗ, ни закон № 59-ФЗ не содержат особого порядка или сроков рассмотрения обращения граждан, связанных с проведением выборов или реализацией избирательных прав. Это позволяет отдельным авторам высказывать мнение о необходимости регламентации данных вопросов ведомственными нормативными актами [7].

2. Пункт «к» ч. 10 ст. 23, п. «и» ч. 10 ст. 24, п. «и» ч. 8 ст. 25, п. «з» и «з. 1» ч. 9 ст. 26, п. «к» ч. 6 ст. 27 закона № 67-ФЗ предусматривают правомочия избирательных комиссий всех звеньев по рассмотрению жалоб, при этом:

– в указанных нормах речь идет исключительно о жалобах (заявлениях) на нарушение законов, исключая иные разновидности обращений граждан;

– полномочиями на рассмотрение жалоб (заявлений) на нарушение законов наделены исключительно участковые избирательные комиссии, а все иные комиссии рассматривают жалобы (заявления) на решения и действия нижестоящих комиссий.

3. Части 25 и 26 ст. 68 закона № 67-ФЗ регламентируют процедуру рассмотрения жалоб (заявлений), поступивших в избирательную комиссию в день голосования. При этом указанные нормы:

– разделяют поступающие жалобы на жалобы, поступившие в день голосования (срок их рассмотрения не указан, но предполагается, что определяется общими правилами, т.е. немедленно), и жалобы о нарушениях при голосовании и подсчете голосов;

– содержат правило о рассмотрении жалоб на нарушения при голосовании и подсчете на итоговом заседании по окончании всех необходимых действий и подсчетов;

– относятся только к деятельности участковых избирательных комиссий.

4. Статья 75 закона № 67-ФЗ предусматривает, в том числе, административный порядок обжалования решений и действий избирательных комиссий в вышестоящую комиссию. Указанная норма регламентирует исключительно процедуру административного обжалования решений и действий (бездействие) комиссий.

Предложения по совершенствованию законодательства

Пунктом 2 ст. 1 закона № 59-ФЗ закреплено правило об исключении из его сферы применения обращений, порядок рассмотрения которых определен специальным законодательством.

Таким образом, порядок рассмотрения обращений граждан в отдельных областях может быть урегулирован отдельными законами. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно внесение изменений в избирательное законодательство, а не в закон № 59-ФЗ.

В современной литературе в связи с недостаточной определенностью статуса избирательных комиссий в системе органов власти высказываются различные позиции. Избирательные комиссии рассматриваются как государственные и муниципальные органы, наделенные особым статусом. Отдельные исследователи указывают на то, что подобный подход, напротив, ведет к неопределенности [8].

Следует, однако, признать, что в контексте соотношения с законодательством о порядке рассмотрения обращений граждан определение избирательных комиссий, приведенное в законе № 67-ФЗ, является не вполне удачным. В целях исключения неоднозначности толкования законодательно определенный статус избирательных комиссий нуждается в корректировке. Например, термин «избирательная комиссия» в ст. 2 закона № 67-ФЗ следует дополнить, указав, что избирательные комиссии представляют собой органы, выполняющие публично значимые функции. Статьи закона № 67-ФЗ, посвященные избирательным комиссиям всех звеньев, также необходимо уточнить аналогичным образом.

В целях исключения ограничительного толкования, по нашему мнению, в ч. 4 и 5 ст. 20 закона № 67-ФЗ термин «обращения о нарушении закона» следует заменить на понятие «обращения граждан, связанные с реализацией избирательных прав», что позволит применять указанные нормы не только к жалобам на нарушения, но и на другие виды обращений граждан. Действие указанных норм также сле-

дует распространить как на избирательные комиссии, так и на органы власти. Порядок рассмотрения обращений, за исключением сроков, при этом должен быть определен аналогично требованиям закона № 59-ФЗ.

Положения ст. 23–27 закона № 67-ФЗ необходимо дополнить полномочиями избирательных комиссий по рассмотрению обращений граждан.

В целях исключения неопределенности в сроках рассмотрения жалоб, поступивших в день голосования, и недопущения воспрепятствования деятельности избирательных комиссий (поскольку рассмотрение жалоб осуществляется избирательными комиссиями коллегиально) целесообразно определить единый порядок их рассмотрения – на итоговом заседании избирательной комиссии после проведения всех необходимых действий и подсчетов (исключив оценочное «немедленно»).

Заключение

Приведенный анализ законодательства о порядке рассмотрения обращений и избирательного законодательства позволяет прийти к выводу о наличии существенных законодательных проблем, связанных с вопросами взаимодействия указанных предметных областей. Избирательное законодательство пошло по пути регламентации реагирования на нарушения и рассмотрения жалоб на противоправные решения и действия. Вместе с тем законом № 67-ФЗ не затронуты другие разновидности обращений граждан. Их рассмотрение в общем порядке исключает оперативность реагирования в условиях ограниченных сроков реализации избирательных прав.

Закон № 59-ФЗ не возлагает на государственные и муниципальные органы обязанностей по особому порядку рассмотрения обращений граждан, связанных с реализацией избирательных прав.

Предложенные изменения позволят устранить приведенную в статье проблематику. Кроме того, проведенный анализ может быть использован в правоприменительной деятельности избирательных комиссий для совершенствования работы с поступающими обращениями граждан в период избирательных кампаний.

Список литературы

1. *Капранова Ю.В.* Конституционно-правовой институт обращений граждан: отдельные вопросы теории // Юристы-Правоведы. – 2018. – № 2. – С. 158–164.
2. *Малаякина Н.В., Алексикова О.Е.* Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 20–29.
3. *Емелин М.Ю.* Конституционное право на обращение в избирательном законодательстве Российской Федерации // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение: материалы XIII научно-практической конференции (с международным участием) (г. Пенза, 26 апреля). – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 5–10.
4. *Емелин М.Ю., Николаев Б.В.* Система источников правового регулирования избирательных правоотношений в России // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 9. – С. 80–83.
5. *Громыко С.В., Курячая М.М.* Основные направления развития системы избирательного законодательства, или возможен ли в России Избирательный кодекс? // Юридический мир. – 2015. – № 8. – С. 28–31.
6. *Михайлова Т.Н., Михайлов Е.В.* Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства о выборах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 271–283.
7. *Байдина О.Ю.* Особенности рассмотрения обращений о нарушениях избирательных прав граждан в административном порядке // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 196–199.
8. *Макарцев А.А.* Организационно-правовой режим избирательных комиссий в Российской Федерации: проблемы реализации правового статуса // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3. – С. 51–60.

References

1. *Kapranova Yu.V.* Konstitucionno-pravovoj institut obrashchenij grazhdan: ot del'nye voprosy teorii // *Yurist'-Pravoved*". – 2018. – № 2. – S. 158–164.
2. *Malyavkina N.V., Aleksikova O.E.* Osobennosti realizacii konstitucionnogo prava grazhdan Rossijskoj Federacii na obrashchenie v organy publichnoj vlasti // *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. – 2019. – T. 19, № 2. – S. 20–29.
3. *Emelin M.Yu.* Konstitucionnoe pravo na obrashchenie v izbiratel'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // *Regional'nye osobennosti rynochnyh social'no-ekonomicheskikh sistem (struktur) i ih pravovoe obespechenie: materialy XIII nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) (g. Penza, 26 aprelya)*. – Moskva: Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte, 2022. – S. 5–10.
4. *Emelin M.Yu., Nikolaev B.V.* Sistema istochnikov pravovogo regulirovaniya izbiratel'nyh pravootnoshenij v Rossii // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2018. – № 9. – S. 80–83.
5. *Gromyko S.V., Kuryachaya M.M.* Osnovnye napravleniya razvitiya sistemy izbiratel'nogo zakonodatel'stva, ili vozmozhen li v Rossii Izbiratel'nyj kodeks? // *Yuridicheskij mir*. – 2015. – № 8. – S. 28–31.
6. *Mihajlova T.N., Mihajlov E.V.* Organizaciya prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonodatel'stva o vyborah // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. – 2019. – № 3. – S. 271–283.
7. *Bajdina O.Yu.* Osobennosti rassmotreniya obrashchenij o narusheniyah izbiratel'nyh prav grazhdan v administrativnom poryadke // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2016. – № 3. – S. 196–199.
8. *Makarcev A.A.* Organizacionno-pravovoj rezhim izbiratel'nyh komissij v Rossijskoj Federacii: problemy realizacii pravovogo statusa // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. – 2014. – № 3. – S. 51–60.

УДК 339.5

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ ПОЗИЦИИ ПО КЛАССИФИКАЦИИ ТОВАРОВ В ТАМОЖЕННЫХ ЦЕЛЯХ

Сладкова Алена Александровна¹,

канд. филос. наук,

e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru,

¹Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия

Рассматриваются особенности доказывания по классификационным спорам между декларантами и таможенными органами. Указываются наиболее распространенные ошибки, возникающие в процессе идентификации и классификации товаров в таможенных целях. В качестве эмпирического материала исследуется актуальная судебная практика, в ходе анализа которой делается вывод о том, что стороны судебного разбирательства не всегда готовы к обоснованию своей позиции в вопросе выбора классификационного кода товара. В качестве доказательств могут быть приведены различные материалы, но каждое доказательство в отдельности не обладает решающим значением, а также ни одно из доказательств не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с иными доказательствами. В этой связи приводятся практические рекомендации по перечню доказательств, которые могут быть использованы при обосновании сторонами своей позиции в вопросе отнесения товара к конкретной товарной позиции.

Ключевые слова: таможенные органы, идентификация и классификация товаров, таможенная экспертиза, судебные споры по классификации товаров

EVIDENCE USED TO SUBSTANTIATE THE POSITION ON THE CLASSIFICATION OF GOODS FOR CUSTOMS PURPOSES

Sladkova A.A.¹,

Candidate of Philosophical Sciences,

e-mail: 1357343@mail.ru,

¹Tver State University, Tver, Russia

The article discusses the specificities of proving classification disputes arising between declarants and customs authorities. The author indicates the most common errors that arise in the process of identification and classification of goods for customs purposes. As an empirical material, the author examines current judicial practice, during the analysis of which it is concluded that the parties to the trial are not always ready to substantiate their position on the choice of the classification code of the goods. Various materials may be cited as evidence, but each evidence individually is not decisive, none of the evidence has a pre-established force for the court and is subject to evaluation in conjunction with other evidence. In this regard, the author provides several practical recommendations on the list of evidence that can be used when the parties justify their position on the issue of attributing goods to a specific commodity item.

Keywords: customs authorities, identification and classification of goods, customs expertise, litigation on the classification of goods

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-26-33

Проверка классификационного кода таможенным органом осуществляется как в процессе декларирования, так и после выпуска товаров. В ходе проверки таможенной декларации (ДТ) могут быть внесены изменения в графы 31 и 33 ДТ по указанию таможенного органа. В течение трех лет таможенные органы могут инициировать камеральную или выездную проверку, по результатам которой они изменят классификационный код, что чаще всего приводит к доначислению таможенных платежей. Декларант должен быть готов к запросам по поводу описания товаров в графе 31 ДТ и соответствия данных реальным характеристикам перемещаемого товара.

Первый этап процесса по поиску классификационного кода товара связан с анализом технической и коммерческой информации о товаре, что позволяет выявить идентификационные признаки, которые впоследствии должны быть соотнесены с позициями единой Товарной номенклатуры Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС)¹. При этом свойства товара, имеющие значение для потребителя, не всегда важны для классификации. Так, для товаров 64-й группы «Обувь» идентификационными признаками являются материал верха и подошвы, длина стельки, конструктивные особенности (например, закрывающая лодыжку), а для оборудования необходимо иметь представление о конструктивных элементах, об основной и дополнительной функциях, сфере применения.

Вторым этапом определения кода является сама классификация, которая представляет собой сопоставление выявленных признаков товара с реальными позициями ТН ВЭД ЕАЭС. При этом поиск правильного кода сопровождается последовательным применением Основных правил интерпретации ТН ВЭД (ОПИ) и изучением текстов примечаний к товарным группам, позициям и субпозициям ТН ВЭД ЕАЭС.

Если продолжить рассуждать об идентификации и классификации, то необходимо отметить, что это два этапа одного общего процесса по определению кода товара в таможенных целях. Е.И. Андреева справедливо замечает, что определение понятия «идентификация», приведенное в таможенном законодательстве, связано только с формой таможенного контроля, но при этом не отражает роли идентификации как процесса по «выявлению индивидуальных признаков товара, позволяющих отличить его от конкурирующих товарных позиций в ТН ВЭД, указывающих на принадлежность товара к определенной однородной группировке товаров с родственными потребительскими стоимостями» [1, с. 113–114].

В процессе идентификации и классификации товара возникают ошибки, связанные:

– с неверной идентификацией, когда неверно определены признаки товара либо они неверно соотнесены с позициями ТН ВЭД ЕАЭС (например, не выявлена роль части в изделии; не обозначены основная и дополнительная функции оборудования и др.);

– с неверным применением ОПИ, игнорированием текстов примечаний к группам ТН ВЭД ЕАЭС.

Н.В. Берлова справедливо указывает, что проблемы идентификации, например непродуктивных товаров, с целью их классификации связаны: с отсутствием однозначных дефиниций терминов в ТН ВЭД ЕАЭС и национальных, международных стандартах; с расхождением понятий, принятых в торговой практике, с указанными в товарной номенклатуре; со специфическими свойствами отдельных видов непродуктивных товаров [2, с. 35].

Г.Ю. Федотова отмечает проблему, связанную с «отставанием применяемой в ТН ВЭД терминологии от сложившейся сегодня практики наименования товаров в международной торговле» [3, с. 86]. Следовательно, не стоит надеяться, что коммерческое наименование товара, указанное производителем, можно будет точно соотнести с наименованием товара в ТН ВЭД ЕАЭС.

Кроме того, загадкой в ТН ВЭД являются позиции «прочие», что придает процессу классификации неопределенность, и даже сложившаяся судебная практика и решения Евразийской экономической комиссии не всегда позволяют однозначно решить вопрос классификации некоторых товаров [4, с. 54].

Управлением товарной номенклатуры ВЭД Федеральной таможенной службы России выработаны методики по классификации некоторых категорий товаров и даны разъяснения о классификации отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС в целях обеспечения единообразного применения

¹ Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза: решение Совета Евразийской экономической комиссии: [от 14 сентября 2021 г. № 80]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

ТН ВЭД ЕАЭС таможенными органами. Однако появление новых товаров, например многофункциональных устройств, провоцирует дискуссии по отнесению их к существующим товарным позициям.

В связи с очередным обновлением в 2021 г. Гармонизированной системы описания и кодирования товаров как международной основы для многих национальных номенклатур, изменения внесены и в ТН ВЭД ЕАЭС. Было учтено появление новых товаров, которые необходимо не относить к позиции «прочие», а сформировать новую товарную позицию, чтобы сгруппировать все эти продукты в одном месте. Например, создана: «новая товарная позиция 2404 – вайпер (ультразвуковые устройства доставки никотина); 8485 – для 3D-принтеров; 8806 – для беспилотных летательных аппаратов – квадрокоптеры, дроны. В то же время из предыдущей товарной номенклатуры 2017 г. были удалены две товарные позиции: товарная позиция 8107 – кадмий и изделия из него, 8803 – части летательных аппаратов. Общий объем торговли кадмием, по данным Статистической Организации Объединенных Наций, упал и стал значительно меньше уровня, необходимого для того, чтобы данный товар имел свою собственную товарную позицию»².

Если получить сведения о самом товаре возможно посредством изучения сопроводительных документов, ответов производителей товара, а также из заключений идентификационных экспертиз, устных и письменных консультаций специалистов, то интерпретация положений ТН ВЭД требует определенных умений и построения логической цепочки по обоснованию своей позиции относительно выбора конкретного кода товара. Даже получение полной информации о товаре не всегда является залогом успешного завершения классификации, т.к. однозначному отнесению к коду предшествует еще аналитическая работа с полученной информацией.

В одном из примеров судебной практики решение о выборе кода было сделано на основе результатов экспертизы и анализа текстов примечаний и пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС. Так, «экспертиза в отношении товара "десерт соевый йогуртный", в состав которого входят вода, продукты переработки соевых бобов (соевый белок и соевое молоко), сахара (в зависимости от артикула сахароза/глюкоза/фруктоза), лимонная кислота, культуры молочнокислых микроорганизмов, измельченное плодово-ягодное сырье, минеральные компоненты, показала, что преобладающим компонентом по химическому составу спорного товара является вода. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций посчитали, что преобладание в продукте воды не удовлетворяет тексту товарной позиции 1901 ТН ВЭД ЕАЭС и пояснениям к ней в части исходного сырья и не может классифицироваться в указанной товарной позиции, а подлежит отнесению к товарной позиции 2106 «Пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включенные»»³.

В споре по поводу классификации установки приготовления раствора полива как части системы оборудования для рассадного отделения теплицы по выращиванию огурцов и томатов наглядно продемонстрирован процесс анализа информации о товаре, а также принятия таких доказательств, как заключение эксперта и письма специалистов аграрного университета. В данном деле «разногласия декларанта и таможенного органа имели место на уровне подсубпозиции и сводились к определению функционального назначения спорного товара. В результате было установлено, что спорная часть системы предназначена не только для полива, но и для удобрения культур при производстве овощей, не обладает какой-либо одной основной функцией и выполняет как полив растений, так и приготовление, и внесение удобрений, на основании чего не представляется возможным выделить основную функцию товара»⁴.

В процессе судебного разбирательства особо сложной категории товаров требуются специальные знания, а экспертизы могут назначаться неоднократно. При этом дела могут направляться на новое рассмотрение, т.к. не было проведено достаточных для понимания свойств товара исследований. Например, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации направила

² Изменения, вносимые в Гармонизированную систему описания и кодирования товаров с 1 января 2022 г. // Информационный портал для декларантов и участников ВЭД компании «Альта Софт»: [официальный сайт]. – URL: http://www.altaru.com/expert_opinion/84437 (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-31345/2020: [от 11 марта 2021 г. № Ф05-2885/2021]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А09-5801/2020: [от 8 июля 2021 г. № 20АП-7252/2020]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.03.2022). – Текст: электронный.

на новое рассмотрение в суд первой инстанции дело о классификации спиртовой настойки, полученной в результате дистилляции виноградного вина или выжимок винограда, т.к. судами не вынесен на обсуждение сторон вопрос о привлечении специалиста для получения пояснений по вопросам, связанным с применением методики исследования спиртовой продукции⁵.

Кроме выявления преобладающего компонента, основной и дополнительной функций и других признаков для верной классификации необходимо правильно или последовательно применять ОПИ. Особенно, на наш взгляд, сложным является правило 3 (в) о выборе товарной позиции, последней в порядке возрастания кодов, т.к. необходимо доказать, что спорный товар в равной степени может быть отнесен к двум товарным позициям. Например, «исследовав и оценив представленные в дело доказательства в совокупности и взаимосвязи, в том числе спецификацию к контракту на поставку продукции и приложение к спецификации (согласно которым ввезенный товар имеет наименование "дрель-шуруповерт аккумуляторный"), приняв во внимание заключение таможенного эксперта ЭКС ЦЭКТУ и результаты повторной таможенной экспертизы, из которых следует, что "дрель-шуруповерт" является многофункциональным инструментом, выполняющим функции как сверлильной машины, так и шуруповерта, суды установили, что функции товара "дрель-шуруповерт" охватывают две субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, при этом выделение из них основной невозможно, в связи с чем пришли к верному выводу о правомерном применении в рассматриваемом случае правила ОПИ 3 (в). Согласно Пояснению к примечанию 3 раздела XVI ТН ВЭД, классификация таких товаров должна осуществляться в субпозиции последней в порядке возрастания кодов, которой является субпозиция 8467 29 ТН ВЭД ЕАЭС»⁶.

Определенную степень сложности представляет собой классификация частей и принадлежностей, в ходе которой могут быть установлены следующие обстоятельства:

1) часть используется только вместе с готовым изделием, оборудованием как его составная часть. Например, «судом апелляционной инстанции установлено, что описание и характеристики рассматриваемого товара соответствуют товарной позиции 8466 ТН ВЭД ЕАЭС и коду ТН ВЭД 8466 93 700 0 "части и принадлежности станков", поскольку ввезенный спорный товар предназначен для использования в качестве частей к токарным станкам, изготовлен для них и не может быть применен в другой области или по иному назначению, что обусловлено техническими характеристиками данного товара, руководством по монтажу и эксплуатации, техническим описанием»⁷;

2) спорные товары являются частями общего назначения, которые могут использоваться в составе разных изделий. Приведем пример из судебной практики: «В товарной позиции 7315 ТН ВЭД ЕАЭС классифицируются "Цепи и их части, из черных металлов", а иного определения "частей общего назначения" в ТН ВЭД ЕАЭС не приведено, апелляционный суд пришел к выводу о том, что цепи и их части из черных металлов относятся к частям общего назначения независимо от того, могут данные цепи использоваться только с одним видом (артикулом) машин и оборудования либо с разными машинами, поэтому ввезенные товары не могут быть классифицированы в товарной позиции 8431 ТН ВЭД ЕАЭС»⁸.

При классификации оборудования необходимо предоставить схемы, чертежи, изображающие процесс работы таких устройств, с целью выяснения роли спорной части в едином механизме, насколько она совместима только с этим оборудованием или может быть составным элементом другого оборудования либо даже использоваться самостоятельно.

В качестве информации о товаре для последующего представления в суде как доказательства используются сведения, полученные от производителя: сведения с официального сайта производителя, официальные письма производителя, например с пояснениями о составе и этапах технологического процесса. Например, «с учетом приведенных пояснений производителя суд правильно указал,

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу № А50-14606/2020: [от 28 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-18263]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А43-29084/2021: [от 23 августа 2022 г. № Ф01-3218/2022]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.02.2022). – Текст: электронный.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-193855/18-139-2062: [от 13 июня 2019 г. № Ф05-7351/2019]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁸ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа по делу № А51-6856/2020: [от 21 января 2021 г. № Ф03-5417/2020]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.03.2022). – Текст: электронный.

что спорный товар верно классифицирован обществом по коду 1212 92 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС. Доводы таможи о том, что паспортом качества и данными сайта производителя подтверждается, что задекларированный товар подвергался обжарке, подлежат отклонению как опровергающиеся пояснениями производителя»⁹.

Однако такие сведения о товаре, как доказательства, должны касаться именно спорного товара, а не аналогичного. Так, суд кассационной инстанции «отклонил ссылки таможенного органа, полученные из сети Интернет сведения о производстве товара "марשמеллоу Confectum" производителя "Confectum", а также сведения с сайтов baker-group.net, domochozyajka.com, не относящиеся к рассматриваемому в настоящем деле товару»¹⁰.

Кроме того, суды указывают, что бесспорным доказательством не могут являться классификационные решения, принятые таможенными органами в рамках оказания государственной услуги по предварительной классификации, т.к. нет уверенности в том, что товары являются идентичными. Например, «представленные таможенным органом выписки из Сборника принятых предварительных решений таможенных органов государств-членов Таможенного Союза по классификации товаров не являются бесспорным доказательством отнесения перегружателя к товарной позиции 8427, т.к. из данных документов не представляется возможным увидеть фактическое описание ввезенных товаров, по которым приняты предварительные решения»¹¹.

Необходимо отметить, что стороны достаточно часто используют для обоснования своей позиции положения национальных стандартов. Например, при споре в отношении зефира («марשמеллоу») для отнесения товара к подсубпозиции 1704 90 650 0 ТН ВЭД следовало установить, является ли товар жевательной конфетой, содержатся ли в товаре желирующие вещества и имеет ли он жевательную консистенцию. Наличие в составе спорного товара желирующего вещества (желатина) само по себе достаточным основанием для классификации товара в товарной подсубпозиции 1704 90 650 0 ТН ВЭД судами не признано, поскольку в соответствии с ГОСТ Р 53041-2008 допускается наличие желирующих веществ (в том числе желатина) в составе сбивных изделий, к которым относятся зефир, пастила, суфле и нуга, которая, в свою очередь, согласно тексту Пояснений ТН ВЭД, подлежит классификации по коду 1704 90 990 0 ТН ВЭД. Таким образом, наличие или отсутствие желатина в составе кондитерского изделия не является в данном случае классификационным признаком для отнесения изделия к коду 1704 90 650 0 или коду 1704 90 990 0 ТН ВЭД¹².

В некоторых случаях суды, наоборот, не принимают к рассмотрению положения стандартов. Так, суд апелляционной инстанции указал, что «приведенные заявителем ссылки на ГОСТ 17743-2016 "Технология деревообрабатывающей и мебельной промышленности. Термины и определения" обоснованно отклонены судом первой инстанции с указанием на то, что данный ГОСТ устанавливает термины, применяемые в области деревообрабатывающей мебельной промышленности, тогда как для целей классификации товаров в области таможенного регулирования многофункциональность ввезенного станка (в том числе обработка детали и сборка детали путем приклеивания кромочного материала) требовала последовательного применения Основных правил интерпретации, являющихся неотъемлемой частью ТН ВЭД»¹³.

В ходе анализа судебной практики обращает на себя внимание то обстоятельство, что декларанты во время разрешения классификационного спора ссылаются на тот код ТН ВЭД, который указан в разрешительных документах или же в экспортной декларации страны происхождения товара. Однако в п. 4 ст. 20 ТК ЕАЭС указано, что коды товаров, указанные в коммерческих, транспортных (пере-

⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А32-46580/2020: [от 14 июля 2021 г. № Ф08-6954/2021]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А56-20410/2020: [от 20 мая 2021 г. № Ф07-4544/2021]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст: электронный.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-103926/2019: [от 24 декабря 2019 г. № Ф05-22515/2019]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.03.2022). – Текст: электронный.

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А56-20410/2020: [от 20 мая 2021 г. № Ф07-4544/2021]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

¹³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А50-23117/2021: [от 11 марта 2022 г. № 17АП-15721/2021-АК]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2022). – Текст: электронный.

возочных) и (или) иных документах, а также в заключениях, справках, актах экспертиз, выдаваемых экспертными учреждениями, не являются обязательными для классификации товаров. Следовательно, таможенные органы не принимают во внимание код товара, указанный в разрешительных документах, например «вывод декларанта об отнесении спорного товара к подсубпозиции 8608 00 000 1 ТН ВЭД ЕАЭС, основанный на указании данного кода товара в сертификате соответствия и экспортной декларации, представляется несостоятельным»¹⁴.

Согласно п. 21 и п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» стороны классификационного спора при обосновании своей позиции, а также суд при разрешении классификационного спора могут:

– «для целей интерпретации положений ТН ВЭД учитывать Пояснения к ТН ВЭД, рекомендованные Комиссией в качестве вспомогательных рабочих материалов;

– принимать во внимание рекомендации и разъяснения по классификации, данные Всемирной таможенной организацией (ВТАМО);

– ссылаться на международную практику классификации ввезенных товаров в странах, использующих Гармонизированную систему, в подтверждение которой представлять суду классификационные решения, принятые таможенными органами других стран и международными организациями, содержащие аргументацию классификации и иные подобные доказательства. При этом указанные доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с иными доказательствами, обосновывающими правильность классификации товара в соответствии с ТН ВЭД»¹⁵.

Одним из обоснований являются Решения Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) по отдельным товарам. Однако Решения ЕЭК не дают полной гарантии разрешения классификационного спора. Кроме того, наблюдается такая тенденция, что с принятием ЕЭК решения по классификации какого-либо товара судебные споры только увеличиваются, например в ситуации с бытовыми отпаривателями, паровыми швабрами и детскими подгузниками [5, с. 28].

Н.Н. Алексеева, А.С. Горелова рекомендуют:

– для исключения возможности по двоякому толкованию свойств и характеристик спорного товара провести сбор и анализ не только внутренней информации об объекте, но и внешней, а именно: решений международных организаций, иностранных таможенных служб;

– при подготовке к судебному разбирательству провести анализ имеющейся судебной практики по спорному товару [6, с. 45].

Для обоснования своей позиции не стоит рассчитывать только на один аргумент. Как установлено процессуальным законодательством, а именно в ст. 71 АПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке арбитражным судом наряду с другими доказательствами. Анализ доказательств в совокупности позволяет суду и сторонам процесса убедиться в правильности выработанного решения. Как бы ни казалось заключение эксперта авторитетным, суд не может только на основании результатов экспертизы вынести решение, тем более что эксперт лишь отвечает на товароведческие вопросы о сущности изделия, но не дает рекомендаций по поводу включений товара в какую-либо товарную позицию ТН ВЭД ЕАЭС.

Все доказательства должны оцениваться в совокупности, но ни одно из них не может претендовать на приоритетное положение среди остальных. При этом доказательства не должны вводить в заблуждение, поэтому должны быть представлены сведения исключительно о том товаре, по поводу которого возник спор, а не аналогичного. Как верно замечает Е.И. Андреева, «отдельные товары, имеющие одинаковое эмпирическое название, но произведенные по разным технологиям или имеющие разный химический состав, обладают различными потребительскими свойствами» [7, с. 32–33].

Верной представляется точка зрения Н.Н. Алексеевой о том, что отдельные проблемы классификации могут быть решены только в отношении каких-либо отдельных товаров. Одновременно всю но-

¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-152733/2021: [от 18 февраля 2022 г. № 09АП-2389/2022]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

¹⁵ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 26 ноября 2019 г. № 49]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

менклатуру охватить невозможно. Однако требуются постоянный мониторинг и анализ судебной практики по классификации товаров в целях выявления причин и условий, способствующих появлению ошибок, что позволит сократить количество, например, типовых судебных дел [8, с. 16].

Действительно, дела по классификации детских подгузников, кормов для животных, «умных часов», погрузчиков, бытовых отпаривателей рассматривались в нескольких судебных инстанциях вплоть до Верховного Суда РФ, процессы растягивались на несколько лет, что, несомненно, негативно сказывается на темпах внешней торговли.

Таким образом, линию обоснования выбранного кода как декларантом, так и таможенным органом необходимо выстраивать последовательно, которая может состоять из следующих этапов:

1) подготовить описательную часть, начиная от обозначения свойств и признаков товара, в том числе с учетом результатов экспертизы и положений ГОСТов по данной категории товаров, до соотнесения установленных данных с уже конкретными позициями ТН ВЭД ЕАЭС. На данном этапе возможен выбор нескольких товарных позиций, к которым может быть отнесен товар;

2) обратиться к ОПИ и примечаниям ТН ВЭД ЕАЭС, провести тщательный анализ текстов Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС по тем товарным позициям, в которых возможно нахождение товара.

3) изучить Решения ЕЭК, рекомендации и разъяснения ВТамО, предварительные решения таможенных органов (особенно актуально в том случае, если выбор остановился на позиции «прочие»). Кроме того, целесообразным будет поиск судебных решений по данной категории товаров, возможно, спорный товар уже мог быть предметом спора.

В классификационных спорах экспертизы могут проводиться повторно и дополнительно, но при этом обязательно необходимо соотнести сведения, полученные в ходе экспертизы, с текстами примечаний к ТН ВЭД ЕАЭС. При этом следует помнить о том, что ссылки на международную практику классификации ввезенных товаров, рекомендации ВТамО, предварительные классификационные решения таможенных органов, а также коды, указанные в товаросопроводительных документах, не являются безусловными и неоспоримыми доказательствами. Перемещаемый товар может даже незначительно отличаться от товара, в отношении которого были приняты указанные решения, но при этом его местоположение уже может находиться в другой товарной подсубпозиции.

Список литературы

1. Андреева Е.И. Идентификация товаров в таможенных целях // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 1. – С. 113–114.
2. Берлова Н.В. Проблемы идентификации, экспертизы и классификации по ТН ВЭД ЕАЭС отдельных групп непродовольственных товаров // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2019. – № 3. – С. 34–42.
3. Федотова Г.Ю. Гармонизированная система описания и кодирования товаров как основа ТН ВЭД ЕАЭС: проблемы и перспективы применения // Управленческое консультирование. – 2022. – № 1. – С. 84–102.
4. Сладкова А.А. Роль классификационного кода ТН ВЭД в решении вопроса по исчислению таможенных платежей // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 3. – С. 51–55.
5. Сладкова А.А. Роль и значение примечаний и пояснений к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 24–29.
6. Алексеева Н.Н., Горелова А.С. Алгоритм подготовки материалов к защите интересов таможенной службы в части классификации товаров в судах // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1. – С. 38–46.
7. Андреева Е.И. Методологические основы идентификации и классификации товаров в таможенных целях // Вестник Российской таможенной академии. – 2014. – № 1. – С. 32–33.
8. Алексеева Н.Н. Анализ судебной практики по оспариванию законности решений таможенных органов по классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2018. – № 3. – С. 5–17.

References

1. *Andreeva E.I.* Identifikaciya tovarov v tamozhennyh celyah // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 113–114.
2. *Berlova N.V.* Problemy identifikacii, ekspertizy i klassifikacii po TN VED EAES ot del'nyh grupp neprodovol'stvennyh tovarov // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. – 2019. – № 3. – S. 34–42.
3. *Fedotova G.Yu.* Garmonizirovannaya sistema opisaniya i kodirovaniya tovarov kak osnova TN VED EAES: problemy i perspektivy primeneniya // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2022. – № 1. – S. 84–102.
4. *Sladkova A.A.* Rol' klassifikacionnogo koda TN VED v reshenii voprosa po ischisleniyu tamozhennyh platezhej // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2021. – № 3. – S. 51–55.
5. *Sladkova A.A.* Rol' i znachenie primechanij i poyasnenij k edinoj Tovarnoj nomenklature vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2021. – № 2. – S. 24–29.
6. *Alekseeva N.N., Gorelova A.S.* Algoritm podgotovki materialov k zashchite interesov tamozhennoj sluzhby v chasti klassifikacii tovarov v sudah // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. – 2015. – № 1. – S. 38–46.
7. *Andreeva E.I.* Metodologicheskie osnovy identifikacii i klassifikacii tovarov v tamozhennyh celyah // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2014. – № 1. – S. 32–33.
8. *Alekseeva N.N.* Analiz sudebnoj praktiki po osparivaniyu zakonnosti reshenij tamozhennyh organov po klassifikacii tovarov po TN VED EAES // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. – 2018. – № 3. – S. 5–17.

УДК 343.1

К ПРОБЛЕМЕ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Геранин Виталий Владимирович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

На протяжении последних 30 лет в научной литературе активно обсуждается проблема стадий уголовного судопроизводства. Разброс мнений в дискуссии значителен, но более всего в системе стадий сомнениям подвергается необходимость сохранения стадии исполнения приговора. Как в предшествующем, так и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ законодатель не счел нужным нормативно закрепить понятие и виды стадий уголовного процесса, что во многом и определяет дискуссионность проблемы. Подавляющее большинство исследователей, не поддерживающих устойчивую позицию об исполнении приговора как одной из стадий уголовного процесса, делают акцент на ее особенностях, не свойственных иным стадиям. При этом за рамками изучения, как правило, остается то общее, что и объединяет все стадии в систему, – предмет отрасли и складывающиеся в процессе реализации целей уголовного судопроизводства правоотношения. Проведенное исследование позволяет с уверенностью подтвердить правоту традиционного научного подхода, согласно которому исполнение приговора является заключительной стадией уголовного процесса. Авторы полагают необходимым закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ определение стадии уголовного процесса и перечислить их виды.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадии уголовного процесса, стадия исполнения приговора, уголовно-процессуальные правоотношения

ON THE PROBLEM OF THE STAGE OF THE SENTENCE EXECUTION

Geranin V.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

Over the past 30 years, the problem of stages of criminal proceedings has been actively discussed in the scientific literature. The range of opinions in the discussion is significant, but most of all in the system of stages, the need to preserve the stage of execution of the sentence is questioned. Both in the previous and in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the legislator did not consider it necessary to normalize the concept and types of stages of the criminal process, which largely determines the debatable nature of the problem. The overwhelming majority of researchers who do not support the established position on the execution of a sentence as one of the stages of the criminal process, focus on its features that are not characteristic of other stages. At the same time, beyond the scope of study, as a rule, there remains the general issue that unites all stages into a system – the subject of the branch and the legal relations that develop in the process of implementing the goals of criminal proceedings. The conducted research allows us to confidently confirm the correctness of the traditional scientific approach, according

to which the execution of a sentence is the final stage of the criminal process. The authors consider it necessary to fix the definition of the stage of criminal proceedings in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and list their types.

Keywords: criminal proceedings, stages of the criminal process, the stage of execution of the sentence, criminal procedural legal relations

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-34-39

Стадийность (поэтапность) – неотъемлемая черта и важнейшая особенность процессуальных отраслей права. Это связано, прежде всего, с тем, что на каждой из стадий достигаются свои особые цели и задачи, не характерные для остальных. Не является исключением в этом отношении и уголовно-процессуальное право.

Несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) действует уже более 20 лет, в теории уголовного процесса пока не сложилось однозначного отношения ни к самой системе стадий, ни к ее отдельным элементам. Во многом это обусловлено тем, что законодатель не считал нужным закрепить в УПК РФ нормативное определение стадии, не установил даже их перечень и последовательность прохождения, хотя в содержании кодекса несколько раз упоминается та или иная из них. Соответственно, как сам законодатель, так и участники уголовного судопроизводства, а также исследователи используют доктринальную дефиницию стадии уголовного процесса и объединяющую их систему.

Судя по высказываниям многих исследователей, наиболее дискуссионными являются стадии возбуждения уголовного дела и исполнения приговора. Критиков существующей системы стадий объединяет то, что они называют обе упомянутые стадии не вполне соответствующими принятым критериям. В отношении стадии возбуждения уголовного дела суть замечаний сводится к тому, что «в современной конструкции стадии практически нет влияния суда на динамику ведущегося уголовного преследования» [1], в связи с чем она обречена быть замененной «полицейским дознанием» [2, с. 76].

Еще более острая полемика развернулась вокруг стадии исполнения приговора. Устоявшаяся в России более чем за свою столетнюю историю позиция о том, что исполнение приговора является неотъемлемой частью системы стадий уголовного судопроизводства, в ходе которой суд, а также при необходимости и другие субъекты обращают приговоры к исполнению, разрешают вопросы, связанные с изменением приговора, возникающие в процессе исполнения наказания [3–7], в последние годы все чаще стала подвергаться сомнению.

Уже к концу XX в. и особенно в XXI в. незыблемость позиции о том, что исполнение приговора – заключительная и обязательная стадия уголовного процесса – была поколеблена. Одним из первых свои сомнения по данному поводу высказал В.В. Николюк [8]. Он подчеркнул, что все те особенности стадии исполнения приговора, на которые указывали разные авторы (отсутствие производства по уголовному делу, в связи с чем уголовно-процессуальные отношения являются не безусловно обязательными, а возникают лишь эпизодически; это, в свою очередь, не позволяет с определенностью зафиксировать ее начало и окончание; судопроизводство в рамках данной стадии осуществляется независимо от основного и параллельно ему; это особые уголовно-процессуальные отношения, не связанные с движением уголовного дела по стадиям¹ [9; 10]), лишь еще раз подчеркивают отсутствие оснований включать судебное производство по вопросам исполнения приговора в систему стадий. На его взгляд, данное особое производство в уголовном процессе следует полагать не заключительной стадией, а «уголовно-исполнительным судопроизводством», концепцию которого он в свое время представил [11, с. 88].

Кроме того, стоит упомянуть еще два научных направления, альтернативных общепринятому. Согласно первому из них, процесс обращения приговора к исполнению имеет столько отличий, что является не стадией, а отдельным дополнительным уголовно-процессуальным производством [12, с. 96]. Автор второго направления предлагает стадию исполнения приговора удалить из системы стадий уголовного судопроизводства, заменив ее стадией обращения приговора к исполнению [13, с. 79].

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2017. – 1280 с.

Иными словами, деятельность суда по обращению приговора к исполнению, осуществление им контроля за приведением последнего к исполнению относят преимущественно либо к уголовно-исполнительным, либо к административным правоотношениям. Так, Д.В. Тулянский прямо указывает, что правосудие, как таковое, на данной стадии отсутствует [14, с. 120].

Поскольку невозможно отрицать непосредственное участие суда при решении ряда вопросов в рамках исполнения приговора, многие исследователи относят эту деятельность к судебному контролю. При этом одни из них отрицают сам факт отправления правосудия при осуществлении судебного контроля при исполнении приговора суда [15, с. 168], другие же обоснованно полагают, что судебный контроль, как одна из функций судебной деятельности, столь же органичен стадии исполнения приговора, как и другим стадиям уголовного судопроизводства [16, с. 103].

Судя по тому, что полемика о правовой природе стадии исполнения приговора со временем не только не затухает за истощением аргументов, но и, напротив, разрастается, причем если не в глубину, то «в ширину», затрагивая все новые аспекты, актуальность проблемы себя не исчерпала. И дело заключается не в том, что участники дискуссии как бы подтверждают справедливость известной поговорки «Два юриста – три мнения», и происходит не только потому, что понятие и перечень стадий до сих пор не получили законодательного закрепления. Как представляется, причина состоит в том, что здесь, как ни в одной другой стадии, количество особенностей и отличительных признаков едва ли не превышает свойства, характерные для всех остальных стадий и объединяющие их в систему.

Указывая на отсутствие тех или иных общих для всех стадий признаков, авторы, предлагающие изъять стадию исполнения приговора из системы (переименовать, заменить), акцентируют внимание на конкретных ее особенностях, обходя то общее, базовое, что позволяло (и позволяет) большинству процессуалистов по-прежнему относить действия суда при исполнении приговора к самостоятельной стадии уголовного судопроизводства.

В теории уголовного права общепризнанным является положение о том, что уголовно-правовые отношения возникают с момента совершения лицом преступления и продолжают, как правило, вплоть до завершения действия судимости. Иными словами, они длятся и после того, как уже начали действовать уголовно-процессуальные, а затем и уголовно-исполнительные правоотношения. Все три вида правоотношений являются, несомненно, близкими друг другу по ряду параметров, но, тем не менее, они имеют разную правовую природу. Различия проявляются, в том числе, и по времени возникновения, и по моменту завершения. Важной, хотя и не очевидной особенностью первых двух видов является то, что они продолжают и после того, как вступили в действие, например, уголовно-исполнительные. Это подобно тому, как актер, завершив очередную реплику, уступает место на авансцене своему коллеге, но со сцены не уходит, а отступает на задний план.

Следовательно, сложно согласиться с некоторыми исследователями в том, что предмет уголовно-процессуального регулирования ограничивается отношениями, складывающимися в ходе производства по уголовному делу [17, с. 161]. Несомненно, эта часть, блок правоотношений ярче всего представляет суть уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует и объем посвященного ей нормативного материала. Однако предмет данной отрасли значительно шире, включая и отношения, складывающиеся при возбуждении уголовного дела или связанные с исполнением приговора. Именно предмет позволяет с уверенностью определить круг правоотношений, относящихся к данной отрасли. Как справедливо указал профессор В.П. Божьев, «...уголовно-процессуальные правоотношения... весьма разнообразны как по характеру, так и по субъективному составу. Тем не менее, все эти разнообразные отношения образуют единый предмет правового регулирования» [18, с. 8].

Отметим, что предмет отрасли и относящиеся к ней источники (формы) права традиционно относятся к дискуссионным проблемам, характерным для любой отрасли. Не является исключением и уголовно-процессуальное право. Наиболее распространенной ошибкой в этом вопросе, как нами отмечалось, является неоправданное сужение предмета отрасли или его размытие.

Применительно к уголовному процессу в первом случае предмет сужается до отношений, складывающихся в строго ограниченных рамках: от начала производства по возбужденному уголовному делу до вынесения приговора. Соответственно, сомнению подвергается процессуальная природа деятельности, осуществляемой до возбуждения уголовного дела при проверке и принятии решений по

поступившим сообщениям о преступлении (ст. 144, 145 УПК РФ), а также, безусловно, необходимое участие суда в решении ряда вопросов, возникающих в процессе отбывания наказания и исполнения приговора (гл. 47 УПК РФ).

В то же время в теории уголовно-процессуального права убедительно доказано, что все отношения, складывающиеся в рамках уголовного судопроизводства, несомненно должны быть регламентированы правовыми нормами. Данное требование обусловлено тем, что в данной отрасли, как ни в одной другой, допускается ограничение правового статуса человека и гражданина. Это, согласно ст. 55 Конституции РФ, требует их закрепления только федеральным законом. Другими словами, поскольку законодатель счел необходимым урегулировать некие правоотношения в уголовно-процессуальном законодательстве, постольку они входят в предмет одноименной отрасли и являются уголовно-процессуальными правоотношениями. Следует согласиться с авторами, полагающими, что «...пока нормы уголовно-процессуального права регулируют их, уголовно-процессуальная природа этих отношений представляется неоспоримой» [19, с. 43].

В литературе представлена и точка зрения известного процессуалиста, профессора В.Г. Даева, согласно которой предмет уголовно-процессуального регулирования необоснованно, на наш взгляд, расширяется, «захватывая» общественные отношения, урегулированные нормами не только уголовно-процессуального законодательства, но и других отраслей права, а то и вовсе не имеющие нормативного основания [20, с. 11]. В данном случае автор переносит акцент с правовой нормы на складывающиеся отношения, каким-то образом имеющие связь с производством по уголовному делу. Как указывалось ранее, отношения, не урегулированные нормами уголовно-процессуального законодательства, не могут относиться к уголовно-процессуальным.

Что же касается утверждения о том, что отношения, регулируемые нормативными актами, являющимися источниками других отраслей законодательства, также можно отнести к уголовно-процессуальным, то это вызывает обоснованные сомнения. Со времен права Древнего Рима публичное и частное право разделилось на значительное число отраслей, и этот объективный процесс продолжается. Как известно из теории права, самостоятельность отрасли права определяется тремя критериями: собственным предметом, системой правовых норм (законодательством) и методами правового регулирования. Иными словами, отрасль права опирается на собственное, эксклюзивное законодательство, регулирующее правоотношения только в рамках данной отрасли. Следовательно, было бы ошибочным полагать, что, например, Уголовный кодекс РФ или Уголовно-исполнительный кодекс РФ могут регулировать уголовно-процессуальные отношения.

В заключение отметим, что уголовно-процессуальные отношения не заканчиваются с постановлением приговора суда или его вступлением в законную силу. Эти юридические факты лишь указывают на то, что уголовно-процессуальные отношения (так же, как до этого уголовно-правовые) отходят на второй план и ожидают нового юридического факта, который вернет их востребованность. Например, осужденный, отбывающий наказание, обратится в суд с просьбой о замене отбывания наказания более мягким наказанием. На время судебного разбирательства он продолжит отбывать наказание и, стало быть, будет оставаться участником уголовно-исполнительных правоотношений. В то же время его обращение в суд инициирует возобновление действия как уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных отношений, участником которых он снова становится. Важно отметить, что весь круг упомянутых отношений порожден одним и тем же преступлением и его правовыми последствиями. Соответственно, рассматривая упомянутое обращение осужденного, суд действует в соответствии со своими функциональными полномочиями, определяемыми стадией исполнения приговора, и эта деятельность происходит не иначе как в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, мы придерживаемся традиционной точки зрения и полагаем, что стадия исполнения приговора столь же органична для уголовного судопроизводства, как и остальные стадии. При этом полагаем целесообразным устранить существующий до настоящего времени пробел и закрепить в УПК РФ дефиницию стадии уголовного процесса и перечислить их виды.

Список литературы

1. *Кальницкий В.В.* Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 4. – С. 34–41.
2. *Махов В.Н.* Начальная стадия уголовного процесса в Российской Федерации и зарубежных странах // Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 75–77.
3. *Перлов И.Д.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 227 с.
4. *Литвинов Р.В.* Рассмотрение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговоров. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 119 с.
5. *Рыжков И.Н.* Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1965. – 18 с.
6. *Матвиенко Е.А.* Приговор суда и его исполнение. – Минск: Высшая школа, 1968. – 132 с.
7. *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – 221 с.
8. *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1989. – 252 с.
9. *Бурмагин С.В.* Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 146–159.
10. *Дорошков В.В.* Совершенствование стадии исполнения приговора // Мировой судья. – 2017. – № 9. – С. 39–40.
11. *Николюк В.В.* Научная полемика конструктивна, когда она не становится околонучной (по поводу статьи М.К. Свиридова «Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора») // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 83–92.
12. *Диваев А.Б., Земеров И.А.* Правовая природа деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института ФСИН России. – 2020. – № 3. – С. 93–104.
13. *Сумин А.А.* Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 79–81.
14. *Тулянский Д.В.* Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. – 2001. – № 7. – С. 118–121.
15. *Александров А.С.* Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162–178.
16. *Качалов В.И.* О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 102–105.
17. *Макарова З.В.* Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 160–166.
18. *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные отношения. – Москва: Юрид. лит., 1975. – 176 с.
19. *Диваев А.Б.* Предмет уголовно-процессуального регулирования // Уголовная юстиция. – 2019. – № 14. – С. 39–43.
20. *Николюк В.В.* Российский уголовный процесс как комплекс дифференцированных основных и особых производств // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции: в 2 т. – Иркутск, 2017. – Т. 1. – С. 266–273.

References

1. *Kal'nickij V.V.* Ponyatie i znachenie stadii naznacheniya i podgotovki sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom processe // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2017. – № 4. – S. 34–41.

2. *Mahov V.N.* Nachal'naya stadiya ugovornogo processa v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah // Rossijskij sledovatel'. – 2018. – № 3. – S. 75–77.
3. *Perlov I.D.* Ispolnenie prigovora v sovetskom ugovornom processe. – Moskva: Yurid. lit., 1963. – 227 s.
4. *Litvinov R.V.* Rassmotrenie sudom voprosov, vznikayushchih v processe ispolneniya prigovorov. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1964. – 119 s.
5. *Ryzhkov I.N.* Stadiya ispolneniya prigovora v sovetskom ugovornom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 1965. – 18 s.
6. *Matvienko E.A.* Prigovor suda i ego ispolnenie. – Minsk: Vysshaya shkola, 1968. – 132 s.
7. *Sviridov M.K.* Sushchnost' i predmet stadii ispolneniya prigovora. – Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1978. – 221 s.
8. *Nikolyuk V.V.* Ugolovno-ispolnitel'noe sudoproizvodstvo v SSSR. – Irkutsk: Izd-vo Irkutsk. un-ta, 1989. – 252 s.
9. *Burmagin S.V.* Sudebnye proizvodstva v ugovornom processe: ponyatie i vidy // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 2. – S. 146–159.
10. *Doroshkov V.V.* Sovershenstvovanie stadii ispolneniya prigovora // Mirovoj sud'ya. – 2017. – № 9. – S. 39–40.
11. *Nikolyuk V.V.* Nauchnaya polemika konstruktivna, kogda ona ne stanovitsya okolonauchnoj (po povodu stat'i M.K. Sviridova "Otraslevaya prinaldzhnost' norm, reguliruyushchih sudebnuyu deyatel'nost' po ispolneniyu prigovora") // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2020. – № 36. – S. 83–92.
12. *Divaev A.B., Zemerov I.A.* Pravovaya priroda deyatel'nosti po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannyh s ispolneniem prigovora // Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii. – 2020. – № 3. – S. 93–104.
13. *Sumin A.A.* Stadiya ispolneniya prigovora ne dolzhna prisutstvovat' v sisteme stadij ugovornogo sudoproizvodstva // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2019. – № 1. – S. 79–81.
14. *Tulyanskij D.V.* Osushchestvlyayet li sud pravosudie v stadii ispolneniya prigovora? // Zhurnal rossijskogo prava. – 2001. – № 7. – S. 118–121.
15. *Aleksandrov A.S.* Principy ugovornogo sudoproizvodstva // Pravovedenie. – 2003. – № 5. – S. 162–178.
16. *Kachalov V.I.* O haraktere sudebnoj deyatel'nosti na etape ispolneniya prigovora i inyh itogovyh sudebnyh reshenij // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2016. – № 5. – S. 102–105.
17. *Makarova Z.V.* Cel', sredstva, rezul'tat ugovorno-processual'noj deyatel'nosti // Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugovornogo sudoproizvodstva: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2014. – S. 160–166.
18. *Bozh'ev V.P.* Ugolovno-processual'nye otnosheniya. – Moskva: Yurid. lit., 1975. – 176 s.
19. *Divaev A.B.* Predmet ugovorno-processual'nogo regulirovaniya // Ugolovnaya yusticiya. – 2019. – № 14. – S. 39–43.
20. *Nikolyuk V.V.* Rossijskij ugovornyj process kak kompleks differencirovannyh osnovnyh i osobyh proizvodstv // Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah: sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 t. – Irkutsk, 2017. – T. 1. – S. 266–273.

УДК 343.13

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СБОРА И ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Палиева Оксана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: palievaoksana@mail.ru,

¹Московский университет им С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия

Законодателем значительное внимание уделяется пресечению, раскрытию, расследованию и профилактике преступлений экстремистской направленности. Соответственно, борьба против преступлений данной категории является важным направлением в борьбе с преступностью со стороны не только правоохранительных органов, но и государства в целом. Анализируются поводы к возбуждению уголовного дела, которыми, как правило, выступают оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые оперативными подразделениями, сообщения из налоговых органов, информация, полученная непосредственно от лиц, привлекаемых по другим преступлениям. Исследуются процессуальные особенности проведения отдельных следственных действий. Подчеркивается, что проведение следственных действий по этой категории уголовных дел в основном связано с изъятием информации с электронных устройств. Изъятая информация в последующем является объектом исследования различных судебных экспертиз. Обозначаются некоторые недостатки правоприменительной практики по фиксации информации в электронном виде, а также недочеты и ошибки при назначении судебных экспертиз. Определяются возможные пути разрешения процессуальных проблем.

Ключевые слова: экстремизм, расследование преступлений, информационные технологии, электронные устройства, доказательства, судебная экспертиза

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF COLLECTING AND CONFIRMING EVIDENCE IN EXTREMIST CRIMINAL CASES

Palieva O.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: palievaoksana@mail.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

The legislator pays considerable attention to the suppression, disclosure, investigation and prevention of extremist crimes. Therefore, the struggle against crimes of this category is an important direction in the fight against crime, both on the part of law enforcement agencies and the state as a whole. The article analyzes the reasons for initiating a criminal case. It is noted that the reasons for initiating a criminal case of an extremist orientation are operational-search activities carried out by operational units, reports from tax authorities, information received directly from persons involved in other crimes. The procedural features of conducting individual investigative actions are investigated. It is emphasized that the conduct of investigative actions in this category of criminal cases is mainly associated with the seizure of information from electronic devices. The seized information is subsequently the subject of various forensic examinations. The author identifies some shortcomings in law enforcement practice for recording information in electronic form, as well as shortcomings and errors in the appointment of forensic examinations. Possible ways of resolving procedural problems are indicated.

Keywords: extremism, crime investigation, information technology, electronic devices, evidence, expertise

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-40-45

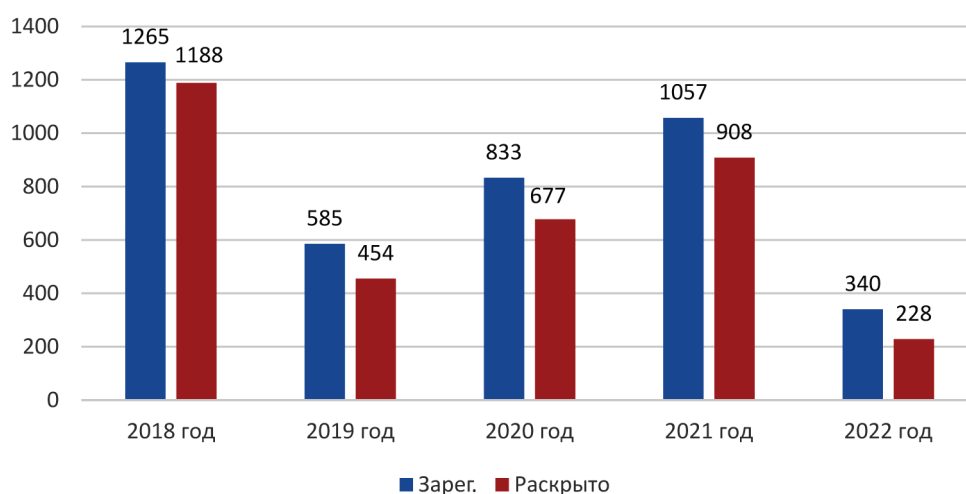
Введение

Преступления экстремистского характера представляют угрозу как национальной безопасности в целом, так и отдельным гражданам. К преступлениям экстремистской направленности относятся те из них, которые предусмотрены ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)¹. Приведенные преступления постоянно дополняются и изменяются законодателем с учетом следственной и судебной практики. Это указывает на желание законодателя оградить общество от опасности экстремизма и его дальнейшего распространения.

Государство со своей стороны уделяет достаточное внимание вопросам пресечения и предотвращения этих видов преступлений, т.к. угроза со стороны экстремистов слишком реальна и опасна. Опасность вызвана тем, что экстремистские преступления направлены против государственной власти. Они приобретают качественно новый характер, ввиду возможности распространения экстремизма в интернет-пространстве. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала одной из основных платформ, где концентрируются экстремистские группировки, осуществляющие свою преступную деятельность и вовлекающие новых ее членов. За последние годы исследователи неоднократно обращались к данной теме, констатируя недостаточную разработанность этого вопроса на доктринальном уровне [1; 2].

Руководитель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин отметил следующее: правоохранными органами проведена огромная работа по профилактике такого вида преступления, что позволило снизить рост преступлений в этом направлении [3].

Состояние преступлений экстремистской направленности приведено на рисунке.

Состояние преступлений экстремистской направленности в России за январь – декабрь 2018, 2019, 2020, 2021 гг., первое полугодие 2022 г.

Статистические показатели преступлений экстремистской направленности указывают на нестабильный характер совершения этого вида преступления². Латентность совершения таких видов преступлений очевидна.

Задача государственных органов и правоохранительной системы в настоящее время заключается в противодействии данным видам преступления всеми возможными способами, поэтому необходимы решительные и эффективные меры, направленные на предотвращение экстремистских проявлений.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в акт. ред.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2018, 2019, 2020, 2021 гг., первое полугодие 2022 г. – URL: <http://www.xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092> (дата обращения: 15.09.2022). – Текст: электронный.

Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела

Важным является качественное расследование уголовных дел экстремистской направленности, в первую очередь фиксация доказательственной базы в отношении обвиняемых лиц в рамках уголовного дела, проверка и оценка доказательств с точки зрения относимости и допустимости.

В соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) расследование преступлений экстремистской направленности осуществляют Следственный комитет Российской Федерации и органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации³.

В правоприменительной практике наработана определенная методика расследования преступлений экстремистской направленности, которая дифференцируется в зависимости от вида совершенного преступления, например публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) имеют существенные отличительные признаки от финансирования экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), соответственно, методика расследования и тактика проведения следственных и процессуальных действий будут отличаться. Фиксация же доказательств по уголовному делу осуществляется в рамках правил УПК РФ.

Каждое преступление специфично и характеризуется различными обстоятельствами совершения преступления, поэтому от следователя требуется выполнение следственных действий в той последовательности, в которой это будет целесообразно и эффективно для закрепления доказательств виновности лица.

Необходимо отметить, что чаще всего основанием для возбуждения уголовных дел экстремистской направленности являются оперативно-розыскные мероприятия, которые проводят уполномоченные на то подразделения на основе оперативной информации. Ввиду специфичности преступлений, выявить актуальную информацию не всегда представляется возможным. Соответственно, возбудить уголовное дело возможно только после тщательной проверки следователем всех оперативно-розыскных мероприятий, после чего последует их реализация в материалы уголовного дела. Тем не менее, случаи возбуждения уголовного дела по факту уже совершенного преступления также имеют место быть в следственной практике.

А.А. Абрамова указывает на то, что в следственной практике бывают ситуации, когда в ходе проведения следственных действий по уже возбужденным уголовным делам следователю становятся известны факты совершения преступления экстремистского характера [4]. Соответственно, эта информация проверяется, а в случае ее подтверждения следует возбуждение уголовного дела.

Поводом к возбуждению уголовного дела могут быть и сведения, которые поступают из налоговых органов и Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Указанные государственные органы обязаны предоставлять информацию о подозрительных сделках и операциях, что они и делают в соответствии с законом. В частности, их информация является поводом для возбуждения уголовных дел по ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» [5, с. 6].

Сбор, проверка и оценка доказательств

В эпоху технического прогресса зачастую следы преступлений экстремистской направленности остаются на электронных и цифровых носителях, к которым можно отнести аудио-, видеоматериалы, сведения из социальных сетей, изображения, скриншоты и др. [6, с. 91]. Такие сведения остаются на жестких дисках компьютеров, флеш-картах, мобильных устройствах и иных накопителях информации. Они должны быть изъяты в соответствии с УПК РФ. Процессуально следователи изымают такую информацию либо протоколом выемки, либо протоколом обыска, предварительно истребовав у суда разрешение на производство следственного действия. Значимую информацию, которая в последующем признается доказательством по уголовному делу, в таких случаях необходимо получать при участии специалиста, т.к. содержащиеся на таких объектах сведения являются предметом последующих экс-

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 января 2001 г. (в акт. ред.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

пертных исследований⁴. Дать оценку указанным материалам может только лицо, обладающее специальными познаниями.

Обнаружение такого рода информации весьма затруднительно, т.к. не всегда следователи обладают соответствующим уровнем профессиональных компетенций и опытом поиска сведений, имеющих доказательственный характер, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В большинстве случаев по таким уголовным делам назначаются компьютерно-технические, лингвистические, психолингвистические, религиоведческие и иные экспертизы. При расследовании преступлений экстремистского характера заключение эксперта как доказательство имеет большое значение.

Предметом исследования компьютерно-технической экспертизы являются установление наличия определенных документов с помощью лицензированного программного обеспечения, проведение их идентификации и дальнейшей распечатки. Соответствующие заключения экспертов с приложенной к ним обнаруженной документацией затем направляются на другую экспертизу, чаще всего лингвистическую [7]. Полученные в результате исследования лингвистической экспертизы выводы указывают на экстремистский характер действий обвиняемого. Лингвистическое исследование обычно проводится в отношении отдельных высказываний, оценка которых порой не может дать полного представления об отсутствии или наличии информации экстремистского характера. Оно может быть дополнено психолингвистическим исследованием, которое осуществляется с целью выявления не только особенностей отдельного высказывания, но и общей характеристики текста.

Предметом исследования психолингвистической экспертизы являются изучение взаимосвязи сознания, мышления и языка. В ходе проведения такого исследования устанавливается смысл каких-либо речевых высказываний, а также воздействия их на сознание читателя или слушателя. Задача данного вида экспертизы – отделение текстов, несущих признаки экстремистской деятельности, т.е. возбуждающих ненависть и вражду, от текстов, выражающих радикальные взгляды на окружающую действительность. Зная и понимая задачи той или иной экспертизы, важно выяснить ее смысл и значение, иначе это может привести к неправильному толкованию ее выводов.

В следственной практике имеется опыт проведения лингвистических экспертиз, однако эксперты не всегда однозначно интерпретируют высказывания на предмет содержания в них экстремистских выражений. Например, по одному из уголовных дел, расследованных в г. Санкт-Петербурге, в ходе проведения лингвистической экспертизы исследовались призывы «Убивай хача, мочи хача!», «Бей хача!», «Бей чурбанов!», «Бей черных!», которые не были признаны экстремистскими. В судебном заседании, после заявления ходатайства адвокатом, была назначена психолингвистическая экспертиза. В результате были сделаны выводы о том, что высказывания в контексте данной ситуации направлены на разжигание межнациональной розни и вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признаку национальности и происхождения [8, с. 122]. Из этого следует, что эксперты по одной и той же ситуации пришли к противоположным выводам, но такого быть не должно.

Требуется особое внимание рассмотреть проблемы, связанной с постановкой вопросов на экспертное исследование. Проблема эта не нова, т.к. следователи «страдают» постановкой некорректных вопросов на экспертизу и, соответственно, получают вероятностные выводы или выводы, не соответствующие действительности. Иными словами, эксперты рекомендуют следователям обращаться в порядке консультативной помощи к специалистам на предмет постановки правильных вопросов на экспертизу.

В правоприменительной практике имеются случаи направления на экспертизу некачественного объекта. Например, когда дословный текст не виден либо он не читается, либо присутствуют его отрывочные фрагменты, а также если фонограмма записи имеет шумы, которые мешают распознать суть разговорной речи, и т.д. В таких случаях следователь должен понимать, что эксперт не сможет дать объективное заключение. Важным, по нашему мнению, является первоисточник, на котором зафиксированы сведения или информация. Например, если это скриншот переписки из мобильного телефона, то важно предоставлять на экспертное заключение сам материальный объект – мобильный телефон, а не

⁴ Сборник примеров заключений эксперта по криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей: практическое пособие для экспертов / Ф.О. Байрамова, А.Г. Бояров, И.В. Гарт [и др.]; под ред. Ф.О. Байрамовой. – Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

скриншот переписки. В противном случае у стороны защиты появятся вопросы, связанные с качеством ксерокопии и вообще с происхождением представляемых сведений.

Однако если сведения были зафиксированы на сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, то сам процесс извлечения информации требует специализированного подхода и процессуальной грамотности специалиста, который привлекается к изъятию этой информации.

Соответственно, на стадии подготовки постановления о назначении лингвистической экспертизы следователю самому следует внимательно изучить объекты, которые он предполагает направить на исследование. Получив заключение экспертизы, он обязан тщательно проанализировать его. Прежде всего, следует внимательно и вдумчиво прочесть исследовательскую часть экспертизы. Тогда в конце ее станут понятны логика, полнота и всесторонность сделанных экспертом выводов, наличие или отсутствие в них противоречий. Будет очевиден уровень профессиональной компетентности эксперта, его полномочий по даче оценок изложенным фактам. Названные обстоятельства зачастую играют существенную роль в достоверности и глубине экспертного исследования. В последующем наличие ошибочных суждений приходится устранять либо назначением повторных судебных экспертиз, либо путем допроса эксперта в суде.

Заключение

Возбуждение уголовных дел экстремистской направленности, а также проведение следственных и процессуальных действий по ним имеют свою специфику.

С учетом того, что многие преступления экстремистской направленности совершаются в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, от сотрудников оперативных подразделений и следователей требуются познания не только норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и компьютерных технологий. Следовательно, имеется актуальная необходимость постоянного совершенствования их профессиональной подготовки. Для этого нужно повышать уровень знаний на курсах повышения квалификации соответствующего профиля.

Специфика расследования уголовных дел требует особой организационной формы взаимодействия субъектов, участвующих в закреплении доказательств. Процессуально значимым является активное привлечение специалистов к сбору информации доказательственного значения и дальнейшему проведению необходимых следственных и процессуальных действий.

Список литературы

1. *Еремин Д.Н.* Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Калининград, 2016. – 231 с.
2. *Смагин С.В.* Особенности личности субъектов, совершающих преступления экстремистской направленности // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3. – С. 70–76.
3. *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 167–170.
4. *Абрамова А.А.* Особенности возбуждения уголовного дела по факту совершения финансирования терроризма // Российский следователь. – 2019. – № 11. – С. 12–16.
5. *Едронова В.Н.* Развитие системы финансового мониторинга в Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Т. 12, № 5. – С. 4–17.
6. *Карагодин В.Н., Соколов Ю.Н.* Значение электронных следов в расследовании преступлений террористического характера // Особенности расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: сборник материалов научно-практического семинара (г. Ростов-на-Дону, 24–25 мая). – Москва: Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 91–99.
7. *Бычков В.В., Прорвич В.А.* Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и их решение // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 3–6.

8. *Палиева О.Н., Пузин А.А.* Методика расследования уголовных дел экстремистского характера // Международная научно-практическая конференция «Комплексная безопасность государства и общества». – 2017. – С. 122–127.

References

1. *Eremin D.N.* Metodika rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s politicheskim ekstremizmom: na materialah Severo-Kavkazskogo regiona: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.12. – Kaliningrad, 2016. – 231 s.
2. *Smagin S.V.* Osobennosti lichnosti sub'ektov, sovershayushchih prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti // Rossijskij juridicheskiy zhurnal. – 2020. – № 3. – S. 70–76.
3. *Bastrykin A.I.* Sovremennye sposoby protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2021. – № 6. – S. 167–170.
4. *Abramova A.A.* Osobennosti vzbuzhdeniya ugolovno delo po faktu soversheniya finansirovaniya terrorizma // Rossijskij sledovatel'. – 2019. – № 11. – S. 12–16.
5. *Edronova V.N.* Razvitie sistemy finansovogo monitoringa v Rossijskoj Federacii // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – 2016. – T. 12, № 5. – S. 4–17.
6. *Karagodin V.N., Sokolov Yu.N.* Znachenie elektronnyh sledov v rassledovanii prestuplenij terroristicheskogo haraktera // Osobennosti rassledovaniya prestuplenij ekstremistskoj i terroristicheskoy napravlenosti: sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar (g. Rostov-na-Donu, 24–25 maya). – Moskva: Institut povysheniya kvalifikacii Sledstvennogo komiteta RF: Vash poligraficheskij partner, 2012. – S. 91–99.
7. *Bychkov V.V., Prorvich V.A.* Problemy vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij ekstremistskogo haraktera, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet, i ih reshenie // Rossijskij sledovatel'. – 2021. – № 2. – S. 3–6.
8. *Palieva O.N., Puzin A.A.* Metodika rassledovaniya ugolovnyh del ekstremistskogo haraktera // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya “Kompleksnaya bezopasnost' gosudarstva i obshchestva”. – 2017. – S. 122–127.

УДК 347.428

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ТРЕТЬИМ ЛИЦОМ КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО ПРЕКРАЩЕНИЯ

Дашко Александр Викторович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: 89262322007@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Исполнение обязательств третьим лицом часто приводит к практическим проблемам и не позволяет должным образом защитить права их участников. Целью исследования является поиск наиболее эффективных критериев разграничения обязательств, исполняемых третьим лицом, а также возможных вариантов их последующего действия в связи с указанным обстоятельством. Методологическую основу составили совокупность диалектического, системного методов исследования и телеологический подход, в соответствии с которыми третьи лица исполняют обязательство за должника, что по-разному влияет на их прекращение. Приводится классификация указанных обязательств по различным основаниям на примере суброгационных требований, договора поручительства и договора имущественного страхования. Аргументируется авторская позиция относительно третьих лиц как участников обязательств, не обладающих самостоятельным требованием, но несущих функцию исполнения обязательства. Приводятся предложения по совершенствованию отдельных статей гражданского законодательства, позволяющие устранить пробелы правового регулирования.

Ключевые слова: поручительство, имущественное страхование, суброгация, третьи лица, исполнение обязательства третьим лицом, исполнение обязательств, прекращение обязательств

PERFORMANCE OF AN OBLIGATION BY A THIRD PARTY AS A BASIS FOR ITS TERMINATION

Dashko A.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: 89262322007@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The performance of obligations by a third party often leads to practical problems and fails to adequately protect the rights of its participants. The purpose of the article is to find the most effective criteria for distinguishing obligations performed by a third party, as well as possible options for their subsequent action in connection with this circumstance. The methodological basis of the article is a set of dialectical and systematic research methods, as well as a teleological approach, according to which third parties perform obligations for the debtor, which affects their termination in different ways. The classification of these obligations on various grounds is given on the example of subrogation claims, a surety agreement and a property insurance contract. The author's position regarding third parties as participants in obligations that do not have an independent claim, but carry the function of performing the obligation, is reasoned. The proposals to improve individual articles of civil legislation, allowing to eliminate gaps in legal regulation, are made.

Keywords: surety, property insurance, subrogation, third parties, performance of obligations by a third party, performance of obligations, termination of obligations

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-46-51

Случаи, когда третьи лица исполняют обязательство за должника, являются довольно разнообразными, а классифицируются они по различным основаниям. Так, их можно разделить на две большие группы:

1) те, в которых третье лицо исполняет собственное обязательство, не совпадающее по объему с обязательством должника (или не обязательно совпадающее), возникшее в силу закона. Это случаи, когда у третьего лица имеется перед кредитором свое самостоятельно существующее обязательство, исполнение которого влечет автоматический переход (суброгацию) требования первоначального кредитора к третьему лицу (например, поручительство или имущественное страхование);

2) те, в которых третье лицо исполняет «чужое обязательство», обязательство должника и «за должника» (большинство обязательств, возникающих из поименованных в Гражданском кодексе РФ¹ (ГК РФ) договоров и иных юридических фактов, которые могут быть исполнены третьим лицом²).

Обе приведенные группы случаев интересны с точки зрения того, прекращается ли обязательство должника или нет, а также каковы обстоятельства этого прекращения.

В случае поручительства поручитель исполняет не обязательство должника, а свое обеспечительное обязательство, существующее параллельно с последним и объединенное с ним единством цели и компенсирующего эффекта. В силу положений п. 1 ст. 365 ГК РФ обеспечительное обязательство прекращает долг поручителя перед кредитором, в то время как в качестве компенсации к поручителю переходит требование исходного кредитора к должнику, т.е. долг должника не прекращается.

При этом в п. 3 ст. 365 ГК РФ указано, что правила, установленные настоящей статьей, применяются, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором поручителя с должником и не вытекает из отношений между ними. Иными словами, в указанных случаях исполнение обеспечительного обязательства может повлечь прекращение долга должника.

В качестве предусмотренного законом случая отсутствия у поручителя, исполнившего обязательство, права требования к должнику в силу особых отношений между ними можно назвать поручительство государственного заказчика по обязательству об оплате покупателем товаров по договору поставки товаров для государственных нужд (ст. 532 ГК РФ). Государственный заказчик, ответивший в качестве поручителя за покупателя, не оплатившего товар ввиду отсутствия бюджетного финансирования, не получает право на предъявление требований к должнику. Данное регулирование обусловлено тем, что причиной невыполнения должником (покупателем) обязательства по оплате является отсутствие финансирования из бюджета, обеспечить получение которого должен был сам государственный заказчик (ст. 526 ГК РФ)³.

Правило о переходе прав кредитора в порядке суброгации к поручителю, исполнившему обязательство, является диспозитивным, т.е. может быть изменено соглашением сторон. Так, существует деловая практика, в которой должник и поручитель блокируют действие правил о суброгации и договариваются о порядке вступления последнего в чужой долг, последствиях исполнения обязательства поручителем в отношениях между ним и должником⁴.

Существо отношений сторон также может исключать возможность удовлетворения суброгационных требований. К примеру, иностранная компания приобрела сеть магазинов с дисконтом в связи с тем, что управляющая ими компания выступала поручителем перед банком по долгам своего владельца. В отношении последнего было возбуждено дело о банкротстве, и поручитель погасил кредит, а затем попытался еще и получить денежные средства за счет конкурсной массы, ссылаясь на то, что он приобрел к должнику регрессное требование. В то же время продажа компании-поручителя с дисконтом свидетельствовала о том, что скидка к цене сделки включала отказ от суброгационного требования в соответствии с п. 3 ст. 365 ГК РФ [1, с. 78].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2022 г.)] // Российская газета. – 1994. – № 238-239. – 8 декабря.

² По делу о проверке конституционности положения абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации: [от 23 декабря 2009 г. № 20-П] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 1.

³ Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 1. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ См., например: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда по делу № А33-31267/2018К5: [от 13 апреля 2021 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исполнение поручительства не всегда влечет суброгацию и прекращает обязательство должника, поскольку может зависеть от закона, иных правовых актов или договора поручителя с должником либо вытекать из отношений между ними.

В договоре имущественного страхования страховщик, выплачивая страховое возмещение в связи с утратой или повреждением имущества, исполняет свое собственное обязательство, а не обязательство причинителя вреда по возмещению убытков. В силу ст. 965 ГК РФ такое возмещение приводит к автоматическому переходу к страховщику требования страхователя к причинителю вреда. Вместе с тем в соответствии с п. 1 указанной статьи договором имущественного страхования может быть предусмотрено правило о том, что к страховщику, выплатившему страховое возмещение, право требования страхователя (выгодоприобретателя) к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования, не переходит. Соответственно, суброгация может отсутствовать и при имущественном страховании. Действует только общее исключение, согласно которому условие договора, исключающее переход к страховщику права требования к лицу, умышленно причинившему убытки, ничтожно.

Во всех случаях, когда третье лицо обладает полнотой правового статуса, т.е. самостоятельной волей в отношении кредитора, наблюдается достаточная условность. Поручитель и страховщик, как и любое третье лицо, исполняют обязанность в силу закона (независимо от основания ее возникновения) и в соответствии с ним. В случаях с суброгацией наблюдаются сложность взаимоотношений третьего лица с должником, экономическая обоснованность, академическая изученность и нормативная четкость регулирования их правового статуса, как следствие, высокая вероятность надлежащего исполнения обязательства. Несовпадение объема долга третьего лица и должника еще не говорит о том, что указанные случаи не являются примерами исполнения обязательства третьим лицом и на них не могут распространяться правила ст. 315 ГК РФ.

Обратимся ко второй группе случаев, когда третье лицо исполняет обязательство за должника, совпадающее с его обязательством по объему, «за должника», «вместо должника». Примером такой ситуации может служить норма общей части гражданского права о погашении третьим лицом долга (п. 5 ст. 313 ГК РФ). Примеров, как уже указывалось, можно привести достаточно много, в том числе случаев с погашением долга третьим лицом с последующей суброгацией. Ситуации, когда у третьего лица нет своего долга перед кредитором, в литературе объясняются по-разному, и их не очень много.

Так, в научном сообществе развернулась дискуссия относительно того, погашает ли долг исполнение третьим лицом при отсутствии самостоятельного требования. Большинство специалистов указывают, что третье лицо действительно исполняет долг, и тогда здесь мы имеем дело с исключением из правила о том, что обязательство прекращается исполнением должника. Так, по мнению А.Ю. Чурилова, при исполнении обязанности должника в полном объеме исполнение обязанности третьим лицом приведет к прекращению обязательства в связи с его надлежащим исполнением, и в этом случае речь идет о таком исполнении обязанности должника третьим лицом, которое повлечет прекращение обязательства его исполнением [2, с. 100]. В.А. Сорокин, в свою очередь, указывает на наличие правовой презумпции прекращения обязательства должника вплоть до оспаривания сторонами этого факта в суде, поскольку реальные отношения между ними для посторонних лиц сокрыты [3, с. 75]. В целом, с приведенными утверждениями следует согласиться. Исполнение обязательства третьим лицом при условии, что это не противоречит закону, соглашению сторон и существу обязательств, не затрагивает прав и законных интересов третьих лиц, создает благоприятную атмосферу и придает вариативность исполнению обязательств, что идет на пользу гражданскому обороту.

Вместе с тем принято считать, что это далеко не всегда «должным образом делается» и вообще возможно только при выполнении условий отдельных видов обязательств. Третье лицо может не обладать нужными правомочиями, в том числе не иметь права гасить долг, но обладать возможностью совершать иные действия, например вносить сумму выкупа. Так происходит в опционном договоре, если продавец по договору купли-продажи опциона переводит обязанность заключить договор на третье лицо с согласия покупателя, а третье лицо способно выполнить его условия [4, с. 69]. В указанном случае платеж за должника не представляет собой погашение долга в силу существования обязательства.

Третье лицо, не обладающее самостоятельным требованием, несет только функцию исполнения обязательства (выступает за должника). Следовательно, у него отсутствует самостоятельная воля в отно-

шении кредитора, что предопределяет отсутствие четкого законодательного регулирования и стандарта исполнения. В этой связи на передний план выступают вид обязательства, участники, обстоятельства исполнения, существо отношений. Например, следует отличать возврат долга родителем за несовершеннолетнего ребенка дальнему родственнику от исполнения дорогостоящих коммерческих сделок.

Так или иначе, во всех рассмотренных случаях самым актуальным вопросом остается факт прекращения долга. Прекращается ли обязательство должника надлежащим исполнением третьим лицом? Каковы обстоятельства этого прекращения? Если придерживаться такой логики рассуждения, то этот вопрос следует рассматривать в несколько иной плоскости. Изучение указанного вопроса дает возможность сделать вывод о том, что долг может прекратиться надлежащим исполнением, в том числе в порядке регресса, цессии и суброгации.

Остановимся на примере с суброгацией. В литературе принято считать, что это ситуация, которая возникает в отдельных случаях при надлежащем исполнении, произведенном за должника третьим лицом, которое влечет переход прав кредитора по этому обязательству к исполнившему это обязательство третьему лицу, т.е. происходит замена кредитора в обязательстве на основании закона [5, с. 398]. Рассмотренные случаи с поручительством и имущественным страхованием подтверждают, что суброгация – это частный случай исполнения обязательства третьим лицом, поскольку во всех вариантах исполнения обязательства третьим лицом существуют самостоятельные требования. Во всех случаях долг может оставаться у должника, если он не исполнен надлежащим образом. Суброгация отличается наличием отдельного правоотношения, связывающего кредитора с третьим лицом, компенсирующим его убытки [6, с. 95]. Наличие самостоятельного требования не является основанием считать суброгацию отличным от того, что предусмотрено п. 5 ст. 315 ГК РФ.

Обязательство должника не прекратится, если третье лицо его не исполнит по каким-то иным причинам, например исполнит «ненадлежаще» по времени, месту, способу и другим признакам. Примерами таких случаев могут быть и указанные регресс, цессия, суброгация, если, к примеру, они исполнены не в нужном объеме. Исполнение третьим лицом может как наступить, так и не наступить вовсе, что зависит от конкретных обстоятельств: специальных норм, добросовестности поведения третьего лица, возможного соглашения сторон, процессуальных действий и т.д. Рассмотрим каждое обстоятельство в отдельности.

В соответствии с п. 28 «Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства»⁵ после введения первой процедуры по делу о банкротстве третье лицо в индивидуальном порядке вправе погасить только требования уполномоченного органа по обязательным платежам на основании положений ст. 71.1, 85.1, 112.1 и 129.1 Закона о банкротстве⁶. На невозможность применения п. 5 ст. 313 ГК РФ к договору субподряда указывает И.И. Зикун, поскольку он «напрямую противоречит сложившемуся подходу, при котором генеральный подрядчик получает регрессное право требования к субподрядчику... Суброгация в случае компенсации убытков генеральным подрядчиком заказчику невозможна, потому что заказчик не имеет никакого права требования к субподрядчику и, соответственно, уступать заказчику генеральному подрядчику нечего» [7, с. 170].

Если третье лицо исполнило обязательство должника согласно условиям заключенного ими соглашения, не предполагающего возмещения третьему лицу соответствующих расходов, и воспользовалось платежными документами, заявив требование о включении указанных сумм в реестр требований кредиторов должника лишь с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов, требование третьего лица не подлежит включению в реестр требований кредиторов⁷. Уменьшение количества голосов может быть квалифицировано как недобросовестное поведение, что блокирует возможность признания законным поведения третьего лица при исполнении им обязательства.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 9.

⁶ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон Российской Федерации: [от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. от 3 февраля 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.)] // Российская газета. – 2002. – № 209-210. – 2 ноября.

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3: [утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 9. – Сентябрь.

В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»⁸, если исполнение обязательства было возложено должником на третье лицо, последствия такого исполнения в отношениях между третьим лицом и должником регулируются соглашением между ними. Например, гражданское законодательство основывается на презумпции разумности действий участников гражданских правоотношений (ст. 10 ГК РФ), поэтому в ситуации, когда родственник бенефициара группы компаний, ведущий с ним общий бизнес, систематически производит платежи за этого бенефициара его кредитору, предполагается, что в основе операций по погашению чужого долга лежит договоренность между бенефициаром и его родственником – заключенная ими сделка, определяющая условия взаиморасчетов. В данном случае погашение долга будет зависеть от строгого исполнения этого соглашения третьим лицом.

Наконец, погашение долга может зависеть от процессуальных действий. В соответствии с Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 38-КГ19-9⁹, если по требованию кредитора к солидарным должникам было заключено мировое соглашение, после чего третье лицо погасило солидарный долг должников по правилам п. 2 ст. 313 ГК РФ, то в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ происходит суброгация, а третье лицо приобретает требование ко всем солидарным должникам и может требовать процессуальной замены стороны мирового соглашения [8, с. 82].

Таким образом, следует говорить об общих чертах всех случаев исполнения обязательства третьим лицом, независимо от того, обладает ли третье лицо полной правовой статусом или нет. Независимо от основания возникновения обязательства, объема долга (его несовпадения с долгом должника), наличия воли в действиях и характера действий третьего лица, обязательство должно исполняться в соответствии с законом. Суброгацию следует рассматривать как частный случай исполнения обязательства третьим лицом, на которое следует распространять правила ст. 315 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом и не вытекает из существа обязательства. Главным ориентиром правового регулирования должны выступать сами обязательства, их вид, участники, обстоятельства исполнения, существо.

Список литературы

1. *Бычков А.И.* Фармацевтическая отрасль России: состояние и перспективы. – Москва: Инфотропик Медиа, 2018. – 152 с.
2. *Чурилов А.Ю.* Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. – Москва: Юстицинформ, 2019. – 200 с.
3. *Сорокин В.А.* К вопросу о прекращении залога после истечения срока исковой давности по обеспеченному обязательству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 4. – С. 70–81.
4. *Лубягина Д.В., Бычков А.И.* Опционный договор // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 1. – С. 67–72.
5. *Фогельсон Ю.Б.* Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2012. – 576 с.
6. *Терехов А.В.* Суброгация в современном гражданском праве России: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2008. – 185 с.
7. *Зикун И.И.* Договор субподряда: комментарий к ст. 706 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2021. – № 4. – С. 130–176.
8. *Карпетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М.* Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за август 2019 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 10. – С. 69–84.

⁸ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 22 ноября 2016 г. № 54] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1. – Январь.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации: [от 27 августа 2019 г. № 38-КГ19-9]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст: электронный.

References

1. *Bychkov A.I.* Farmaceuticheskaya otasl' Rossii: sostoyanie i perspektivy. – Moskva: Infotropik Media, 2018. – 152 s.
2. *Churilov A.Yu.* Uchastie tret'ih lic v ispolnenii grazhdansko-pravovogo obyazatel'stva: monografiya. – Moskva: Yusticinform, 2019. – 200 s.
3. *Sorokin V.A.* K voprosu o prekrashchenii zaloga posle istecheniya sroka iskovoy davnosti po obespechiyaemому obyazatel'stvu // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 4. – S. 70–81.
4. *Lubyagina D.V., Bychkov A.I.* Opcionnyj dogovor // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 1. – S. 67–72.
5. *Fogel'son Yu.B.* Strahovoe pravo: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya: monografiya. – Moskva: Norma: Infra-M, 2012. – 576 s.
6. *Terekhov A.V.* Subrogaciya v sovremenном grazhdanskom prave Rossii: voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2008. – 185 s.
7. *Zikun I.I.* Dogovor subpodryada: kommentarij k st. 706 GK RF // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2021. – № 4. – S. 130–176.
8. *Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M.* Obzor pravovyh pozicij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam chastnogo prava za avgust 2019 g. // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 10. – S. 69–84.

УДК 347.9

ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Буланков Дмитрий Михайлович¹,

e-mail: bulankov.dima1995@gmail.com,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Предметом изучения в статье является совокупность норм гражданского, арбитражного процессуального законодательства, регулирующих порядок применения видеоконференц-связи¹ в судебном процессе. Целью выступает комплексное исследование правовых норм, характеризующих назначение и проведение судебного процесса в арбитражном и гражданском процессе в режиме видеоконференц-связи. Применяются методы сравнительно-правового исследования и характеристики, сравнительного, диалектического, философского, философско-правового анализа, а также другие методы научного познания. По результатам проведенной работы обосновывается вывод о том, что определение понятия видеоконференц-связи выходит за пределы правового и процессуального регулирования, является надправовым и надпроцессуальным феноменом, связано с причинами, имеющими форс-мажорный и чрезвычайный характер. Результаты исследования могут быть использованы как в теоретической, так и в практической сфере применения и назначения видеоконференц-связи, а также представляют интерес для доктринального толкования арбитражного процесса как науки.

Ключевые слова: арбитражный процесс, видеоконференц-связь, судебное поручение, правовое регулирование, техническое оснащение, ходатайство

VIDEOCONFERENCING AND ITS INFLUENCE IN PROVING IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS

Bulankov D.M.¹,

e-mail: bulankov.dima1995@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The subject of study in the article is a set of norms of civil, arbitration procedural legislation governing the use of videoconferencing in a trial. The aim of the work is a comprehensive study of the legal norms that characterize the appointment and conduct of a trial in arbitration and civil proceedings in the mode of videoconferencing. The methods of comparative analysis, comparative legal research and characteristics, methods of dialectical analysis, methods of philosophical and philosophical-legal analysis and other methods of scientific knowledge are used in the work. According to the results of the conducted work it was found that the definition of the concept of videoconferencing goes beyond the limits of legal and procedural regulation, is a supra-legal and supra-procedural phenomenon, associated with reasons of force majeure and extraordinary nature. The results of the work can be applied both in the theoretical and practical areas of application and purpose of the videoconferencing, are of interest for the doctrinal interpretation of the arbitration process as a science.

Keywords: arbitration process, videoconferencing, court order, legal regulation, technical equipment, petition

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-52-56

Видеоконференц-связь (ВКС) является одной из предусмотренных законом форм участия сторон в арбитражном процессе. Согласно ч. 1 ст. 153.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии

¹ Используется написание слова, принятое в нормативно-правовых актах.

в арбитражных судах или судах общей юрисдикции технической возможности осуществления ВКС². Это означает, что для реализации данного права необходимо соблюдение одновременно двух условий: заявление ходатайства лицом, участвующим в деле, и наличие в самом суде технической возможности для этого. Иными словами, такая форма участия отнесена не к императивному обязательству как для судов, так и для сторон процесса, а к диспозитивному правовому регулированию.

Вопросы применения систем ВКС являются очень актуальными и активно исследуются сегодня, поскольку представляют собой передовое направление развития судебного процесса. Существует множество работ по данному направлению, среди которых известны исследования А.В. Данеева [1], А.В. Кружаловой, М.С. Плетниковой [2], В.И. Решетняка [3], В.А. Родивилина, Ю.А. Романовой [4], К.С. Рыжкова, Р.И. Скворцова, Т.В. Соловьева, Л.В. Терентьевой, А.А. Хайдарова, Р.А.-А. Чагарова.

Универсальный характер использования ВКС, который охватывает все сферы судопроизводства – как основанную на диспозитивных принципах сферу арбитражного и гражданского судопроизводства, так и сферу уголовно-процессуального права, указывает на то, что ВКС является универсальной процессуальной формой, которая выходит за пределы методологии действия права. Подобное свойство ВКС может указывать на гораздо более широкие пределы ее правового объективного определения, чем просто форма проведения судебного процесса либо способ получения доказательств по делу. Согласно своим гносеологическим характеристикам, указывающим на то, что ВКС является одним из предусмотренных инструментов получения информации по делу, совмещенных с формой участия в судебном процессе того или иного лица, ВКС выступает надправовым образованием, т.к. ее правовое регулирование связано с такими явлениями, которые допускают произвольное толкование закона. Речь идет о том, что возможность участия лица в ВКС определяется заявлением участвующего лица, по сути, его волеизъявлением. Однако одного такого волеизъявления недостаточно – необходима техническая возможность у суда, что не является предметом процессуального правового регулирования, т.е. выходит за пределы действия какого-либо права, рассматриваемого в суде. Техническая возможность наличия ВКС в конкретном суде не регулируется нормами гражданского, арбитражного или уголовно-процессуального права.

Вместе с тем даже в уголовном процессе возможность участия лица по ВКС зависит от технического оснащения суда. Согласно ч. 1 ст. 278.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем ВКС³. В соответствии с п. 4 ст. 240 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем ВКС. При этом в уголовном процессе ничего не говорится о том, что в суде может иметься или же не иметься ВКС, речь идет лишь о необходимости. Вместе с тем понятие уголовно-процессуальной необходимости напрямую в уголовно-процессуальном законодательстве не раскрывается. Отсутствует расшифровка такого понятия и в отношении необходимости для применения ВКС. Таким образом, для уголовно-процессуального порядка применение ВКС в целом выглядит жестче с точки зрения того, что отказ в удовлетворении ходатайства о применении ВКС судом может вообще никак не мотивироваться, в нем может быть, к примеру, указано, что «необходимости в проведении ВКС нет».

А.В. Кружалова в своем исследовании отмечает, что в практике арбитражных судов существует два варианта выносимого определения о проведении ВКС в случае его удовлетворения. В первом случае выносится один судебный акт, в котором определяются дата, место и время проведения ВКС с указанием суда, исполняющего данное решение (при этом исполнение такого определения считается содействием правосудию), либо же это одно определение об удовлетворении ходатайства в форме ВКС с указанием суда, который исполняет и проводит ВКС. Во втором случае выносятся два определения: первое определение – об удовлетворении ходатайства стороны о проведении ВКС, а второе – о поручении другому арбитражному суду провести ВКС в определенное время. Как она отмечает, по результатам анализа более чем 2800 судебных актов, вынесенных Арбитражным судом Саратовской области

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ] // Российская газета. – 2002. – № 137. – 27 июля.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ] // Российская газета. – 2001. – № 249. – 22 декабря.

за период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2016 г., в 85 % случаев суд, руководствуясь положениями ст. 73 АПК РФ, выносит два судебных акта [5, с. 75–76].

Однако прозрачность обеспечения как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов системами ВКС отследить довольно сложно. Исследователи отмечают, что в целом арбитражные суды оснащены гораздо лучше, чем суды общей юрисдикции, и имеют возможность проводить ВКС в большей мере, чем суды общей юрисдикции [6, с. 62]. Сами определения об удовлетворении или отказе в удовлетворении соответствующих ходатайств не относятся к судебным актам, подлежащим обязательному опубликованию в сети Интернет, поэтому судебный орган их не публикует. Исследователи отмечают, что случаи отказа в удовлетворении ходатайств о проведении ВКС имеются, но чаще суды удовлетворяют их. Так, арбитражные суды субъектов РФ отказывали в проведении ВКС в 28 % случаев с 2011 по 2016 гг., арбитражные апелляционные суды гораздо чаще – уже в 61 % случаев, а в арбитражных судах округов – в 8 % случаев [5, с. 75].

Соответственно, проведение ВКС относится в основном к компетенции судов первой инстанции, и, если они отказывают в удовлетворении таких ходатайств, шанс того, что соответствующее ходатайство будет удовлетворено в апелляции, довольно мал. Как отмечают аналитики, невозможность обжалования определения об отказе в удовлетворении ходатайства о проведении ВКС может повлечь невозможность продолжения движения дела, к примеру, если участник процесса не может по объективной причине прибыть на место рассмотрения спора по причине неспособности к передвижению, содержания под стражей, тяжелой болезни и т.д. В то же время процессуальным законом не предусмотрена возможность обжалования определения суда об отказе в использовании системы ВКС, поскольку такой отказ не исключает дальнейшее движение дела [7, с. 57]. Получается, что, отказав в допросе свидетеля, который не может участвовать в процессе никак иначе, кроме как использования ВКС, суд исключает саму возможность обжалования такого решения суда. В дальнейшем сторона не сможет ссылаться на данное доказательство, т.к. оно не было получено по ВКС, а вышестоящий суд не имеет никаких законных оснований пересмотреть такое решение нижестоящего суда.

Вместе с тем заинтересованные лица могут подавать ходатайства об участии в арбитражном процессе по ВКС и без обоснования причин, и без доказательств невозможности личного участия в деле. Для реализации этого должны быть учтены исправность оборудования и наличие свободного времени у всех участников такой связи.

Таким образом, вопрос технической возможности судов относится к сфере их материально-технического обеспечения, а в большей степени – к вопросам технической оснащенности и информационно-коммуникационной доступности и прозрачности. Ни императивными, ни диспозитивными нормами права это не регулируется. Как следствие, в результате подачи ходатайства стороной о проведении судебного заседания в форме ВКС возникает правоотношение между лицом, заявившим его, и судом, рассматривающим его. Императивными нормами права такое правоотношение не регулируется, т.е. суд невозможно обязать провести ВКС, однако и в случае отказа под предлогом «отсутствия соответствующей материально-технической возможности» обоснованность отказа проверить практически невозможно, поскольку участник процесса, по сути, должен верить судье на слово. Между тем не исключено, что такое информационно-техническое действие должно проводиться с участием специалиста, который может вызываться в судебное заседание для проверки вопроса о действительной невозможности проведения ВКС в данном суде. В таком случае определение о проведении ВКС должно включать и приглашение специалиста с соблюдением норм ст. 55.1 АПК РФ.

Кроме того, вопрос правового подхода к исполнению судебного поручения о проведении ВКС другим судом также неоднозначен. Согласно ч. 1 ст. 73 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело, в случае невозможности получения доказательств, находящихся на территории другого субъекта Российской Федерации, в порядке, предусмотренном ст. 66 АПК РФ, вправе поручить соответствующему арбитражному суду произвести определенные процессуальные действия.

Определение о судебном поручении обязательно для арбитражного суда, которому дано поручение, и должно быть выполнено не позднее чем в десятидневный срок со дня получения копии определения. Это указывает на то, что другой арбитражный суд выступает в качестве не судебной инстанции, а органа исполнения, т.е. суд из сферы судебной власти переходит в таком случае в сферу исполнительной ветви власти, что дает крайне важный признак ВКС – его исполнение соединяет судебную и исполнительную власть. Однако вопрос конституционного разделения властей является важнейшим и фундаментальным аспектом судебного устройства.

Согласно ст. 10 Конституции РФ государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны⁴. Особенно важно и значимо в данном случае то, что эта норма является фундаментальной нормой конституционного устройства государства, однако ВКС и ее исполнение приводят к тому, что другой арбитражный суд или районный суд общей юрисдикции фактически выходит за пределы конституционно-правового устройства судебной сферы и на время становится инструментом исполнительного права.

Кроме того, следует отметить и тот факт, что норма ст. 73 АПК РФ о судебных поручениях, которая и переводит суд в орган исполнения, относится к нормам о доказывании и регулирует порядок получения и истребования доказательств, находящихся на территории другого субъекта РФ. Данная норма содержит отсылку на невозможность получения такого доказательства в ином порядке. В таком случае мы имеем парадоксальную юридическую процессуальную коллизию – с одной стороны, ВКС проводится судом, если у него **имеется** такая техническая возможность, а с другой – судебное поручение о проведении ВКС в суд другого региона направляется лишь в том случае, когда **не имеется** возможности получения доказательств в ином порядке.

Следует отметить и то, что норма ч. 1 ст. 73 АПК РФ имеет существенный недостаток, не позволяющий проводить ВКС в пределах территории одного и того же субъекта РФ, – обязательно необходимы разные субъекты, что не может полностью учитывать всех реалий объективной действительности, поскольку регионы в РФ могут иметь такую большую протяженность, что ВКС должна и может проводиться в пределах одного субъекта РФ через суды одного и того же региона. С учетом специфики арбитражного судостроения такая норма допустима лишь в свете того, что каждый субъект РФ имеет один единственный арбитражный суд на своей территории. Так, уже в гражданском процессе данный аспект учитывается. Как следует из нормы ч. 1 ст. 62 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), суд, рассматривающий дело, при необходимости получения доказательств, находящихся в другом городе или районе, поручает соответствующему суду произвести определенные процессуальные действия⁵.

Факт наличия двух взаимоисключающих обстоятельств – технической возможности у суда и отсутствия возможности получить доказательство без проведения ВКС (т.е., по сути, невозможность проведения ВКС) – указывает на связь и взаимное единство двух противоположностей, каждая из которых фактически не регулируется правом. Одна из невозможностей (получения доказательств без ВКС) является крайне близкой к форс-мажорным обстоятельствам, т.е. не зависящим от волеизъявления человека (к примеру, нахождение свидетеля или иного лица в другом регионе без возможности приехать в арбитражный суд в требуемом регионе). Другая же невозможность, объективно являющаяся причинно обусловленной с технической стороны возможностью проводить ВКС арбитражным судом, не регулируется правом вообще, относясь к материально-техническому оснащению судов. При этом суд и не должен обосновывать невозможность проведения ВКС. Иными словами, ему достаточно указать лишь на отсутствие технической возможности такого действия.

Наличие сразу целого ряда определенных признаков указывает на чрезвычайный и имеющий свойства форс-мажорного обстоятельства характер правового статуса ВКС как способа проведения судебного процесса, порядка получения доказательств судом и формы судопроизводства в электронном дистанционном виде. Необходимо отметить, что порядок получения доказательств в дистанционном виде обладает определенной спецификой. Так, исполняющий судебные поручения суд выступает в статусе органа исполнительной власти, вследствие чего нарушается конституционно-правовой принцип самостоятельности суда при осуществлении правосудия. При этом становится невозможным проведение ВКС при том условии, что сеанс ВКС проводится при форс-мажорных обстоятельствах, которые не предусматривают никакого иного способа получения доказательств в судебном заседании, кроме как в дистанционном виде.

⁴ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г. (в ред. ФКЗ № 1 от 14 марта 2020 г.)] // Российская газета. – 2020. – № 220. – 4 июля.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ] // Российская газета. – 2002. – № 220. – 20 ноября.

Фактически ВКС представляет собой внепроцессуальный порядок «обхода» существующих процессуальных норм, по которым, к примеру, допрос свидетеля или иного участвующего лица производится исключительно гласно, устно и публично только в судебном заседании путем личного участия. Добавление в правовое регулирование таких процессуальных инструментов и способов, как ВКС, некой «чрезвычайной» составляющей, которая приводит к наличию сразу двух отмеченных нами **невозможностей** или связи «**возможность – невозможность**», ведет к наложению «отпечатка чрезвычайности» на судебные органы, что не может не повлечь нарушение строгого конституционного запрета, установленного ч. 3 ст. 118 Конституции РФ.

Таким образом, расширительное толкование понятия ВКС, его надпроцессуальный и надправовой характер заставляют научное сообщество искать для него более объемную форму и понятие определения, чем просто дистанционный порядок участия в судебном процессе [8, с. 542] как общепринятый в доктрине подход.

Список литературы

1. Данеев А.В., Данеев Р.А. Видеоконференц-связь в судебном производстве // ГлаголЪ правосудия. – 2019. – № 2. – С. 55–58.
2. Плетникова М.С., Семенов Е.А. К вопросу использования видеоконференц-связи при производстве допроса // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 25–29.
3. Решетняк В.И. Применение видеоконференц-связи в арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 154–159.
4. Романова Ю.А. Некоторые вопросы правовой регламентации судебного заседания арбитражного суда с использованием систем видеоконференц-связи // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 114–121.
5. Кружалова А.В. Видеоконференц-связь в арбитражном суде РФ: определение об удовлетворении в отказе // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 74–78.
6. Вейнгольд М.П. Перспективы использования видеоконференц-связи в гражданском процессе // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 1-2. – С. 154–155.
7. Терентьева Л.В. Организационно-правовые особенности использования видеоконференц-связи в арбитражных судах // Правовая информатика. – 2017. – № 3. – С. 59–66.
8. Васильева А.А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 536–548.

References

1. Daneev A.V., Daneev R.A. Videokonferenc-svyaz' v sudebnom proizvodstve // Glagol' pravosudiya. – 2019. – № 2. – S. 55–58.
2. Pletnikova M.S., Semenov E.A. K voprosu ispol'zovaniya videokonferenc-svyazi pri proizvodstve doprosa // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 1. – S. 25–29.
3. Reshetnyak V.I. Primenenie videokonferenc-svyazi v arbitrazhnom sudoproizvodstve // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2013. – № 1. – S. 154–159.
4. Romanova Yu.A. Nekotorye voprosy pravovoj reglamentacii sudebnogo zasedaniya arbitrazhnogo suda s ispol'zovaniem sistem videokonferenc-svyazi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 1. – S. 114–121.
5. Kruzhalova A.V. Videokonferenc-svyaz' v arbitrazhnom sude RF: opredelenie ob udovletvorenii v otkaze // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2017. – № 1. – S. 74–78.
6. Vejngol'd M.P. Perspektivy ispol'zovaniya videokonferenc-svyazi v grazhdanskom processe // Evrazijskij soyuz uchenyh. – 2015. – № 1-2. – S. 154–155.
7. Terent'eva L.V. Organizacionno-pravovye osobennosti ispol'zovaniya videokonferenc-svyazi v arbitrazhnyh sudah // Pravovaya informatika. – 2017. – № 3. – S. 59–66.
8. Vasil'eva A.A. Nekotorye voprosy primeneniya videokonferenc-svyazi i veb-konferencii v grazhdanskom processe // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2020. – № 8. – S. 536–548.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 4 (35)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Голованова Е.В.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 06.01.2023.

Печ. л. 7,13. Усл.-печ. л. 6,63. Уч.-изд. л. 4,8.

Объем 1,6 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 23-001.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.